

Дия Сёмина

ГЕРЦОГИНЯ
ИЗ ДИКИХ ЗЕМЕЛЬ
БЕЗЛИКИЙ

Дия Сёмина

**Герцогиня из диких
земель. Безликий**

«Автор»

2026

Сёмина Д.

Герцогиня из диких земель. Безликий / Д. Сёмина — «Автор»,
2026

Она вторая жена, посмевавшая дать отпор в первую брачную ночь, и за это поплатилась жизнью, теперь в её теле я. Терплю все издевательства и «прелести» средневекового бытия. После жестокой расправы и судилища оказалась в старинном, пугающем замке, без шанса на побег. И с еще меньшими шансами выжить. Но здесь тоже есть жизнь и она вполне мирная, если не заходить в запретную башню, где обитает «опасный монстр». Что? Он теперь мой новый господин, а я всего лишь приманка, чтобы выманить его из замка? Нет, он БЕЗЛИКИЙ и только я могу хранить его образ, ведь он похож на моего кровного врага...

© Сёмина Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утро после брачной ночи	5
Глава 2. Немного продержаться	10
Глава 3. Лависса	14
Глава 4. Настоящий хозяин	17
Глава 5. Хозяин	20
Глава 6. Псы и женская хитрость	24
Глава 7. Настойчивый лекарь	29
Глава 8. Новая хозяйка замка	33
Глава 9. Лицо моего врага	36
Глава 10. Враг мой	39
Глава 11. Воспоминание	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дия Сёмина Герцогиня из диких земель. Безликий

Глава 1. Утро после брачной ночи

Я очнулась в тот момент, когда внезапно услышала первый удар собственного сердца. Его словно кто-то пытается завести, а оно отчаянно сопротивляется. Ещё раз, и острая боль пронзила грудь, поддавшись инстинктам, дёргаюсь как испуганное животное, загнанное в ловушку, готовое на всё, только бы выжить.

Первый хриплый вдох, и теперь невыносимая боль растеклась по всему телу, да такая, что я заскулила, как-то очень странно всхлипывая, хватая ртом воздух. Но по-настоящему вдохнуть полной грудью не могу, меня словно каменная плита вдавливают в ледяной пол и воняет перегаром.

Снова дёргаюсь, приподнимаю голову и от ужаса начинаю визжать.

На мне лежит какой-то мужик, и никак не реагирует ни на вопли, ни на мои попытки скинуть его с себя.

С грохотом распахнулась дверь, и тусклую комнату сотряс крик, от которого я снова чуть было не провалилась во тьму.

— Она его убила! О, богиня! Зовите госпожу, зовите! Эйви убила своего мужа в первую брачную ночь! Нашего милого Хендрика!

Лучше бы я умерла...

В следующую секунду кто-то засуетился подле вонючего тела пьяного мужика, а меня за руки потащили куда-то через порог, потом вниз по ступеням, заставляя стонать от боли.

Ничего уже не вижу, только пинки, тычки и удары.

— Герти! Что происходит? Как ты смеешь бить нашу невестку?

— Подлая Эйви ударила вашего сыночка бутылкой по голове, вот её ласки! Полюбуйтесь! Мой был Хендрик, мой. А вы эту гадину взяли в семью новой женой. А она убила его, убила! Моего мужа убила! Я его первая и единственная жена!

И снова пинок. Тело всё ещё не слушается, я не могу спрятать голову и лицо от ненависти какой-то ненормальной тётки, что лупит меня не переставая. И с каждым ударом я всё меньше понимаю, где я, и что происходит... Кто они вообще такие, и как я оказалась здесь?

— Хендрик мёртв? Ты вместо того, чтобы его спасти, взялась бить Эйви? Скорее беги за лекарем, дурында!

— Но он — мертвее некуда. Она его убила, бутылкой по голове, госпожа, в прорубь её...

Вокруг замельтешили люди, я успела сжаться в позу эмбриона на ледяном полу и, кажется, вот-вот отключусь, скорей бы...

— Госпожа, госпожа. Хендрик жив, жив! Но пьяный в стельку. На голове рана, всё в крови, но в себя пришёл, сейчас очухается...

Новый радостный мужской голос принёс благую весть. Кто-то промчался, громко топая по деревянному полу, перепрыгнул через меня и исчез.

— Госпожа, а с этой, что делать, она же его, своего мужа-то...

— Герти, заткнись! Тебе никто не давал права лупить новую жену моего сына. Хотя нет, она нам более не жена. Прикажи Гансу, запрячь повозку, пусть бургомистр разбирается с этой девкой. А ты отправь Олли за лекарем, если мой сынок пострадал, то я прикажу высечь эту тварь на площади!

Снова вокруг меня топот, какие-то крики и вопли, скорее бы закончился этот ад.

За что мне это?

Снова злой голос госпожи заставляет вздрогнуть и пожалеть о том, что очнулась:

— Хендрик живой, но ему очень плохо, голова разбита и большая рана. Ганс, ты меня слышишь, да не смотри на неё, эта девка ударила моего сына, разбила его головушку, ты должен отвезти Эйви в дом бургомистра. Не забудь всё рассказать и пусть он посадит её в клетку, а потом решает, что с ней делать. Убери её с глаз моих, иначе сама в прорубь столкну, возьму грех на душу...

— Слушаюсь, госпожа, может быть, со мной госпожа Герти поедет, она-то всё знает?

— Пусть едет... Хотя нет, привяжи эту тварь к телеге, и пусть идёт по улице сама, за преступление против собственного мужа она не заслуживает ездить в нашей повозке. Упадёт, не поднимайте, поделом ей!

Меня вытащили на улицу, ледяной ветер на мгновение оживил, и тут же выстудил последние силы. Но моим мучителям этого мало.

— Герти, со мной поедешь, госпожа приказала привязать её к телеге и вести на суд. Помоги с верёвкой.

— Придержи её, претворяется неженкой, как бить моего Хендрика, так сильная была... Вдвоём они справились довольно быстро, скрутили мои руки, не забывая бить.

— Дикари...

Только и смогла прохрипеть им в ответ, за что тут же и получила.

Телега тронулась, утягивая меня вперёд по заснеженным улицам какого-то средневекового города. Они действительно все дикари.

Но как я оказалась здесь? Ничего не узнаю, ни окружение, ни себя. Даже имя, каким горластая Герти меня называет.

— Люди, люди, смотрите на проклятую Эйви, она вчера вышла замуж за нашего Хендрика и почти убила его ночью, смотрите на неё. Она убийца!

Вопли мгновенно собрали толпу зевак, и в меня полетели первые снежки, и, конечно, самые жестокие целются в голову, улюлюкая и вторя обвинениям. Для Герти неважно, что пьянь Хендрик уже очухался, она назначила меня убийцей и жаждет мести за то, что мамаша женила сыночка на мне.

Радовалась бы, дура, что этот пьяный урод снова ей достанется.

Телега остановилась, и мне в спину прилетел ещё десяток ледышек, со стоном заваливаясь на мёрзлую землю. Чем быстрее они меня добьют, тем лучше, эти люди не оставили на мне живого места, откуда у них такая ненависть...

— Какого чёрта происходит! Кто вам дал право изгаляться над знатной девицей. Эй, кому говорю! Хендрик ещё вас вех переживёт! Пошли по домам, иначе я уеду в столицу и никого из вас лечить не буду!

— Лекарь, лекарь! Господин лекарь, — слышалось со всех сторон.

— Эй, что происходит? Лекарь? Кто мне объяснит? Почему эта женщина лежит у моего дома в день Святой Хельги, избитая до полусмерти? Батюшки, да это же молодая жена Хендрика? Какого демона? — грозный бас окончательно остудил разгорячённую публику, но не Герти.

Снова посыпались обвинения в мой адрес. Я теперь окончательно превратилась в убийцу.

Бургомистр, осознав смысл обвинения, закричал ещё громче:

— Та-а-а-ак! Этого ещё не хватало, она действительно убила моего племянника? Ох, лекарь, дайте мне что-то от сердца, мой мальчик, я же его крёстный, девку в камеру, завтра мы разберём это дело, и пошлите кто-нибудь в соседний город за её родными, но неспешно, не хочу ещё их выслушивать, сами дело закроем. Но это надо, в первую брачную ночь, убить такого мужчину, бедный Хендрик, бедная моя сестра Эльза.

Меня снова подхватили очередные безжалостные руки и утанули куда-то в темноту большого дома.

— Тут тебе самое место, если все бабы будут на своих мужчин руку поднимать, то небо на землю рухнет и жизнь кончится. Тьфу, проклятье на твою голову, женщина.

Очередной «праведник» кинул меня на солому и захлопнул дверь, выкрикивая проклятья.

«По крайней мере, здесь теплее, чем на улице», — была моя последняя мысль...

— Эй! Проснись, сейчас тебя судить будут! Хендрик очухался, но тебе от этого легче не будет. Все мужики тебя ненавидят, так что, даже если господин бургомистр решит, что побои достаточное наказание, долго ты в нашем герцогстве не проживёшь. Как они тебя, живого места нет. Звери, истинные звери.

— Где я? — задаю единственный важный вопрос, едва ворочая языком.

— В Лауэнбурге, Эйви, я – лекарь, мне приказано привести тебя сначала в чувства, а потом и на суд.

Он протёр моё лицо какой-то вонючей жидкостью, вытер насухо тряпкой, заставляя сто-
нать от боли. Потом влил горечь лекарства в рот и поднял на ноги. И я тут же медленно осела,
а потом и завалилась.

Пусть они делают со мной что хотят, если это какая-то вселенская ошибка, то я в эти
игры играть не хочу. Будь у меня силы, то устроила бы им разнос, но сил нет...

Лекарь кого-то крикнул, и двое крепких мужчин, не особо церемонясь, потащили меня
на судилище.

А их кто-то будет судить за такое обращение с женщиной?

— Господин бургомистр, преступница доставлена! — прокричал один из конвоиров и
скинул меня на широкую лавочку.

Лекарство подействовало, и я теперь могу видеть тех «добропорядочных граждан», что
вчера, не разбираясь, готовы были побить меня камнями до смерти. В зале прошелестел шёпот.
Кто-то взволнованно потирает руки, кто-то ещё пытается повлиять на судью и показывает
заботливо связанную петлёй верёвку. Зрелище ужасное, эстетика средневековья в самом урод-
ливом проявлении. Они все похожи, темноволосые, крикливые, тучные, и одеты в тёмные
одежды, в этом городе выделяться опасно, и я уже почувствовала на себе, какова их ненависть
к чужакам.

В первом ряду сидит моя бывшая свекровь и её боров сынок, с перевязанной головой.
Смотрю на него и понимаю: если бы нам снова пришлось остаться наедине, я поступила бы
так же. Мерзкий, гадкий, отвратительный ещё и пьянь. Одна беда, совершенно не помню, как
я вообще оказалась его женой?

— Начнём, я Отто Фугге, бургомистр славного города Лауэнбурга, властью, данною мне
и моему роду, светлейшими нашими герцогами фон Эйхинген-Лауэнбург, да продлит всевыш-
ний их род и сохранит священную власть над нами. Так вот, властью, данною мне вершу суд
над преступницей Эйви Карин Бран, посягнувшей на жизнь дражайшего своего супруга Хенд-
рика Дуриансона и ударившей одного бутылкой по голове, в момент, когда должна была с радо-
стью раздвинуть ноги и отдать своему законному супругу всё, что ему причитается. Это пре-
ступление каралось бы смертью, причём самой жестокой, тем более она вовсе не из нашей
общины, что является отягчающим обстоятельством. Но какое счастье, что череп нашего Хенд-
рика твёрже камня, и он крепкий малый. Потому я, взвесив все обстоятельства, принял реше-
ние.

Бургомистр слишком многозначительно посмотрел на лекаря, сплюнул, что-то провор-
чал на ухо своему писарю и продолжил громко выкрикивать приговор:

— Итак, я решил, что приданное остаётся пострадавшей семье, с этого момента Эйви
более не жена Хендрика, и теперь к сути её наказания. Такой женщине не место среди поря-
дочных граждан. Но её муж живой, и убить её мы не можем. В тюрьме её содержать накладно.
Потому я решил отправить её в старый, заброшенный замок герцогов. Они уже год, как тре-
буют привести его в порядок, но никто не берётся за эту работу. Потому, Эйви Карин, ты обя-
зана за полгода навести в замке чистоту, достойную её светлейших хозяев.

— Но она сбежит, замок огромный, это как выпустить мышь в амбаре, — завопила Гerti.

— Не сбежит, на этот случай есть специальный магический браслет, он привязывает раба
к замку, до момента окончания отработки. Стоит ей выйти за пределы стены, ужасные судороги
скрутят её тело, так что она не сбежит, будьте покойны.

Бургомистр поднял что-то напоминающее кандалы из светлого металла и потряс перед
публикой, и когда новая волна улюлюканья стихла, продолжил:

— Наденем ей на ногу, снять смогу только я или кто-то из герцогов. Раз в две недели к
преступнице будет приезжать конвой и проверять работу, оставлять провиант, если Эйви не

будет усердно трудиться, то её снова ждёт наказание. Сначала плетъ, второй раз пропустим через прорубь, а в третий раз петля, ибо должна эта женщина уважать нашу доброту и щедрость, и за это отплатить усердным трудом. Ведь мы даруем ей жизнь...

В зале поднялся вой, всем хотелось продолжить издевательства. Но бургомистр сдержал своё слово и приказал сейчас же отправить преступницу в ссылку.

Снова конвоир потащил меня к выходу, не дав опомниться, но его остановил Хендрик, сжимаюсь из последних сил, стараюсь следить за его огромными кулаками, но он лишь обхватил мою тощую шею и прорычал, не стесняясь присутствующих.

— Ты всё ещё моя, готовься, я приеду к тебе в замок и буду брать своё столько раз, сколько захочу. От тебя отвернулась даже родня, никто не приехал, не вздумай сдохнуть в замке, плевать на слова бургомистра, ты моя жена! — мерзкий голос Хендрика заставил вздрогнуть, сначала от испуга, а потом от отвращения.

— В замке я уже не промахнусь! — шиплю в его гнусную физиономию. Понимая, что он обязательно притащится, и не один, а с друзьями...

— Нет, нет! Хендрик, я твоя жена! Я, эту тварь я сама придушу, если ты только взглянешь на неё снова, — завопила Герти и повисла на его руке, но Хендрик лишь отмахнулся.

— Сын, оставь, эта девка более не твоя жена! Пойдём, мой милый, она не заслуживает ни единого твоего взгляда. Мы найдём тебе новую невесту, способную родить мне внуков! — послышался настойчивый голос госпожи Дуриансон, и Хендрик послушался. А Герти сжала кулаки, так посмотрела на меня, что стало ясно, они меня не оставят в покое и в замке. А потом растерзают и новую невесту. Конвоиру надоели семейные разборки, он перехватил меня под руку и потащил к выходу:

— Будешь сопротивляться, надену браслет на полпути, и скрученная будешь сама ползти до замка, передвигай ногами... Живее...

Глава 2. Немного продержаться

Конвоир тянет меня на выход, совершенно не церемонясь, что-то крикнул, чтобы приготовили телегу, и кинули в неё мешок муки для осуждённой, ещё какие-то приказы, дикие вопли Герти и ругань Хендрика, всё смешалось в белый шум, скорее бы попасть в замок и...

Эти люди очень смелые воевать с одной беспомощной женщиной, им кажется верхом проявления силы то, что они безнаказанно кидали в меня лёд и камни, а теперь осудили и ссылают на гибель. Надеюсь, когда-нибудь на них обрушится настоящая опасность и прочистит им мозги до основания.

Нарастающий гул толпы, что, не отступая, следует за нами, снова перекричал настойчивый лекарь:

— Она избитая, не выдержит одна в замке, это верная смерть, позвольте хотя бы вылечить Эйви! Пару дней, и потом отвезёте её.

— Верная смерть? Тем лучше, судьба сама отомстит гадине за преступление, — снова вопль Герти поднял волну одобряющих воплей.

— Тогда я сам отвезу её, ведите женщину в мою повозку, иначе уеду в город, клянусь! Жестокие вы люди! И соберите ей провиант, что-то кроме муки! Сейчас праздники святой Хель, она вас на том свете отблагодарит! — новый ультиматум лекаря подействовал.

Я оказалась в приличной повозке, но со связанными руками, двое верховых конвоиров наблюдают за сборами, постоянно сплёвывая и о чём-то недовольно переговариваясь. Сами не прочь наведаться ко мне...

Пытаюсь поправить порванное на груди платье, прикрыться, чтобы охранники не пялились.

Какие-то недовольные люди принесли и кинули мне в ноги два мешка с «провиантом», но эта еда вряд ли мне понадобится, я уже замёрзла так, что ног не чувствую, до вечера точно не доживу.

Ожидание затянулось, видимо, лекарь собирается в дорогу, а люди вообще потеряли ко мне всякий интерес. Молча расходятся по своим делам, представление закончилось.

Природа тоже решила добавить трагизм в городскую жизнь, ледяной ветер принёс с моря снежную тучу. Жутко и красиво, а ещё очень холодно скорее бы всё закончилось...

— Вот тебе тёплая одежда, моя служанка наспех собрала что есть, негусто, но на первое время хватит, — лекарь подсел с другой стороны, и накинуд на мои плечи овечью жилетку, на голову шерстяную шаль, а на колени положил тюк с какой-то одеждой. Из-за связанных рук я не смогла поправить одежду, ему пришлось самому завязать неуклюжий узел на шали, и когда наклонился ближе, я прошептала:

— Спасибо, вы же понимаете, что я не доживу до утра...

Впервые его разглядела, серьёзный мужчина средних лет, не красавец, но и не урод. Крепкий и опрятный, на фоне остальных жителей городка, он просто чистюля. А я очень люблю чистоту, и опрятных людей. Если бы не ситуация, и не конвоиры, то попросила бы лекаря отпустить меня или даже сбежать вместе, я бы ему прислуживала с тройным усердием. Что он забыл среди этих подлых людей?

Конвоир что-то крикнул, и возница заставил коня сделать первый шаг навстречу выюге. Лекарь наклонился ближе, как будто его качнуло от тряски, и прошептал:

— Не глупи, у тебя только ссадины. На голове рана, но тоже небольшая. Сейчас плохо от страха, через день-два очухаешься. Держи фляжку с лекарством, оно поможет восстановить силы. И слушай внимательно, — он посмотрел куда-то в сторону, и я теперь тоже увидела огромный замок, на высоченном утёсе, неприступные стены, шпиль, бойницы, он совсем близко, нависает над городом, напоминая, кто здесь настоящий хозяин.

— Я должна навести порядок в целом замке?

— Ты должна продержаться совсем немного, герцоги в опале, кто-то из них покушался на жизнь короля. Это слухи, но суть в том, что они действительно возвращаются впервые за последние сто лет, и им будет нужна прислуга, если ты постарайся, то они возьмут тебя из-за красоты и приличных манер. Все решения бургомистра ничего не стоят. Найди самые красивые комнаты и приведи их в порядок, чтобы господам было где остановиться. Думаешь, почему я здесь появился? Я жду своих господ, думаю, что они приедут, как только горная дорога станет безопасной. Или по морю, тогда ещё быстрее. Если в замке кто-то есть, ты мне об этом расскажешь, хорошо?

Думала, что меня уже ничего не удивит, но новость о герцогах и о том, что мне продержаться всего ничего...

Продержаться?

Внезапно разум осознал, точнее, впервые, в тишине и без лишних криков, я вдруг услышала свой внутренний голос. Я думаю по-русски, но открываю рот, и из него вылетают совершенно незнакомые моему уху звуки. Сначала казалось, что всё так и должно быть, но нет.

Мне здесь совершенно точно не место. Не о герцогах нужно думать, а о том, как вернуться в свою безопасную родину.

Пока едем по улочкам городка, осматриваю каждый дом, пытаюсь отыскать хоть какой-то след цивилизации. Но ничего.

Ни единого столба, провода или намёка на технологии.

— А как вас зовут? — и снова неприятные звуки, от которых мурашки по коже пробежали.

— Альберт Бакст, я армейский лекарь, но в далёком прошлом, теперь служу герцогам.

Конвоир неприятно покашлял, побоялся сделать замечание лекарю, но предупредил, что наш разговор для них не секрет.

— Скажите, а это какая-то религиозная община? За горами наша цивилизация? Может быть, вы напишите в посольство, что меня незаконно удерживают здесь. Я совершенно точно подданная другой страны, — сделала усилие, чтобы последние слова повторить по-русски, но ничего не получилось, Альберт посмотрел на меня с волнением.

— Я, кажется, недооценил твою рану на голове, какой страны? Ты из городка по соседству, уроженка Кроссбурга, Эйви, не пытайся меня запутать. Эти галлюцинации скоро пойдут, по три плотка лекарства в день и всё станет как прежде.

Но он дотронулся до моего пылающего лба, внимательно посмотрел в глаза и вздохнул, кажется, сделал вывод, что я не доживу до приезда герцогов.

Замок, так и висит над нами, но дорога оказалась намного длиннее, огромные валуны создают бесконечные препятствия на пути, заставляя повозку петлять и делать бесконечное количество манёвров, чтобы не потерять колесо, а то и не свалиться с обрыва в море.

От холода начинаю засыпать, это было бы спасением, но внезапно обоз резко остановился, кучер сказал, что телега не пройдёт дальше, и началась моя новая эпопея.

Самый злобный конвоир стащил меня с повозки, крепко выругался на липкий снег, и вообще на необходимость появляться в этом проклятом замке.

— Пошла, а то надену обручи здесь, и сама побежишь...

Второй конвоир взял мои «вещи», а следом идёт лекарь и постоянно пытается вразумить мужчин.

Исполинские ворота в замок едва приоткрыты, эта «щель» оставлена кем-то специально, чтобы по необходимости проникать в замок. Но увы, закрыть их, чтобы защититься от непрощенных гостей я не смогу, огромное колесо с цепью смогут повернуть только несколько мужчин.

— Браслет слишком широкий для руки, и слишком мал для шеи, задирай юбку, наденем тебе на ногу, — конвоир одним щелчком застегнул на покрасневшей от холода ноге металлический браслет, и вроде бы ничего не произошло, кроме того, что я теперь окольцованная птичка. — А теперь я покажу, как он работает!

Мужчина взял меня за руку и потащил дальше от замка, через сто метров, моё тело скрутили ужасные судороги. Конвоиры рассмеялись, довольные новой забавой. Альберту пришлось самому тянуть меня в безопасный периметр.

— Иди и работай, через неделю вернёмся, или Хендрик расправится с тобой раньше. Поехали, Дольф, нам здесь нечего больше делать, замок с ней сам разберётся.

Конвоиры уехали.

— Я приеду через два дня, проведать тебя, ты сильная, справишься, — он наконец, разрезал верёвки на моих запястьях отличным ножом, посмотрел на него, потом на меня и протянул в дар, молча забрала и спрятала за широкий пояс. — Бог не посылает испытания, какие мы не смогли бы вынести, другое дело честь. Её можно потерять очень быстро, но ты женщина, у вас честь в другом.

Смотрю пристально на лекаря, и отвечаю ему одному то, что должна была сказать всем ещё на суде: «Я и отстаивала свою честь, не для такого барана, как Хендрик и его семейства, я её берегла, и всё равно осталась обесчещенной, избитой, и на грани выживания, а поддалась бы, то меня отравила бы Герти, дело не в чести, а в том, с чем мы готовы мириться, а с чем нет!».

— Да, но раз ты оказалась здесь...

— Прощайте, Альберт, я с этим как-нибудь разберусь. Вы хотя бы пытались...

Взяла мешок с вещами и муку, а второй мешок с каким-то другими припасами сунула в небольшую нишу, где когда-то стоял на службе привратник. Лекарь решил, что сделал для меня и так слишком много, не прощаясь, развернулся и поспешил в повозку.

А я, прихрамывая, вышла на широкую площадь типичного, совершенно запущенного бесхозностью средневекового замка.

И сразу ощутила неприятное чувство, что нахожусь под прицелом. Нет, скорее всего, стрелять в меня никто не собирается, но совершенно точно этот замок не пустует. На открытой площади опасно, бегом вернулась за вторым мешком, пока его не украли. Из-под высоченной арки ещё раз осмотрела площадь и строения. Мне бы отдохнуть, обработать раны, и хоть немного поесть, пока не потеряла последние силы. Но судьба крепко взяла меня в оборот, времени нет, но только в том случае, если я хочу выжить. Если лекарь сказал правду и опальных герцогов скоро сошлют сюда, то возможно...

В этот момент я услышала очень неприятный звук, словно кто-то сердитый хлопнул дверью. Вряд ли это ветер.

Собираю остатки сил и бегу к самому страшному строению, высокой башне с внушительной каменной пристройкой, интуиция, или наивность подтолкнули меня сделать выбор в пользу именно той двери, так и не смогла понять. Наверное, показалось, что другие «обыватели» обходят это место стороной. Забежала, отдышалась и поняла, что не ошиблась. Здесь совершенно точно никого нет, сюда даже никто не заходит, наверное.

Стою, смотрю по сторонам, пытаюсь решить, куда дальше. Внезапно кто-то с силой дёрнул меня за шкуру назад и чуть не волоком утащил на улицу. Кричать и звать на помощь я не решилась.

Глава 3. Лависса

— Шпионка? Тебя сюда из вонючего города прислали шпионить за нами? — за моей спиной раздались каркающие звуки, а поясицу воткнулось не то дуло оружия, не то палка, отшатываюсь, у меня на теле от побоев живого места нет, чтобы ещё позволять кому-то торкать.

— Я преступница, меня сослали сюда за убийство мужа, так что...

Поворачиваюсь, бросив бесценные мешки, вытащив нож лекаря, не упустила шанс его показать.

— Убийца? Ты? Не смей! Ты и муху-то не сможешь обидеть, а вот по тебе, видать, весь город прошёлся и не один раз... Ха-а-а! Ха-а-а!

Передо мной стоит довольно крепкая старуха, и в руке у неё довольно дорогая трость. Я вдруг выдохнула с облегчением. Она не будет мне вредить, потому что женщины в подобной дыре – редкость, и если здесь есть ещё постояльцы, то она совершенно точно в самой низшей касте.

У нищих иерархия гораздо жёстче, чем в обычном обществе, странно, откуда у меня такие познания. Мы так и рассматриваем друг друга, принимая решение, о выгоды сотрудничества, и я в ней нуждаюсь гораздо больше, чем она во мне.

Понятия не имею, как выгляжу я, но незнакомка произвела на меня неизгладимое впечатление. Прокопчённое от открытого огня лицо, какое, наверное, редко видит воду. Взъерошенные волосы, собраны в пучок. Три шали, множество недлинных юбок и мужские ботинки, с очень толстыми носками. Вылитая ведьма.

Пытаюсь деликатно разъяснить ситуацию, чтобы хоть немного заинтересовать собой:

— Я была одна против целого города, конечно, они прошлись по мне, и я неопасная для вас. Однако, мне сорока на хвосте принесла, что в этот замок скоро вернутся хозяева с отрядом и останутся жить, так что нас ждут большие перемены и не только нас, но и город. Вот и всё, что я знаю. И вообще, за кем здесь следить? Заброшенный, развалившийся замок, и, скорее всего, нет ни одной приличной комнаты.

Старуха покосилась на меня, потом на нож, и я его тотчас спрятала обратно, подняла мешки с едой и вещами, показывая абсолютную готовность разделить с незнакомкой кров, и, возможно, провиант.

— Смотри, какая бойкая. Битая, значит?

Киваю, но спину держу прямо, не хочу, чтобы она обо мне подумала, как о размазне.

— Значит, говорят, что скоро герцоги вернутся. Чуюло моё сердце, что нашей фортуны крылья обрежут. Жаль, это был наш самый надёжный и удачный порт. Хотя рано ещё сетовать.

— Порт? — мне показалось, что я не совсем поняла её речь, картавит или чужестранка и говорит с акцентом, а я всё ещё думаю по-русски.

— А я что, не так сказала? Причал. Что же с тобой делать, когда мои парни вернутся, то тебя точно отымеют. А мне нужна служанка, одна не справляюсь. Значит так, бери свои шмотки, пошли в мои хоромы, устрою тебя. Если крикну: «корабль», ты хватаешь своё добро и прячешься, после покажу куда.

— К-какие парни? — мой боевой запал поубавился. Она совершенно точно не из низшей касты, здесь нечто другое, и криминальное. Начинаю догадываться. Это логово пиратов. Они грабят торговые корабли и здесь прячут, час от часу не легче. Толпа голодных мужиков не самая лучшая компания для одинокой беззащитной девицы.

— Сыновья, да племянники, если будешь хорошо прислуживать мне, то позволю тебе выбрать в мужья любого, они у меня все красавцы.

Ком в горле не позволил мне громко выдохнуть, и это к лучшему, иначе она приняла бы моё «пффф» за оскорбление.

Будь неладен этот браслет, если бы его только снять...

Тётке надоело стоять на ветру, махнула рукой, мол, пошли в укрытие, но замерла, как животное, учуявшее на себе взгляд охотника. Подняла голову и долго посмотрела на башню.

Я готова поклясться, что тоже видела силуэт в бойнице.

— Здесь кто-то живёт?

— Хозяин. У нас договор, мы даём ему еду, одежды и небольшую мзду, за это его псы нас не трогают, и мы здесь живём и делаем свои дела. Пошли, хватит болтать.

Ну, конечно, только началось самое интересное...

Прихрамывая и дрожа от холода, плетусь за своей новой госпожой и не теряю надежды разузнать побольше о господине. Ведь проклятый бургомистр сказал, что браслет может снять только он сам, или кто-то из герцогов. Вдруг это как раз тот самый опальный герцог, что покушался на короля. Догоняю старуху и переспрашиваю:

— А этот хозяин имеет отношение к герцогам? Мне у него бы только кое-что спросить, и всё...

— Нет, он какой-то беглый преступник, силён, как кит, видела китов?

— Да, видела. Значит, он такой же преступник, как я и как вы? Очень жаль, — теперь уже вздыхаю, не стесняясь. Но свободнее, показалось, что здесь гораздо спокойнее и безопаснее, чем среди добропорядочных горожан. — Простите, госпожа, а как к вам обращаться?

Старуха остановилась и широко улыбнулась щербатым ртом.

— Смотри-ка, ишь какая умная, сразу смекнула, кто в доме хозяйка. Нравятся мне такие разумные и обстоятельные люди. Надо же, госпожа! Лет сорок меня так не называли. А может, и больше. Госпожа Лависса, да-да, имя у меня знатное и красивое. Я такой и была когда-то, но тяперяче всё в прошлом. Заходи, и давай посмотрим, что у тебя в мешках.

— Да уж, мне самой интересно. Но разве ваши сыновья вам провиант не оставляют? Не уверена, что эти злодеи положили мне что-то путное и съедобное. Им было бы приятнее заморить меня голодом.

Лависса рассмеялась.

— Оставляют. Я же не поживится, думаешь, что тебя отпустили просто так? Дура, ты набитая. Отраву надо найти, чую в твоих мешках яд крысиный. Вытряхивай, а тряпье меня не интересует. Вон, глянь сколько у меня тряпья. Я и тебя могу, как принцессу разодеть. Сама поширишь, что подойдёт, бери. Но только тряпки, поняла?

Киваю и с ужасом наблюдаю за тем, как Лависса вытряхнула мешок с какой-то снедью на пол перед тлеющим камином и рассмеялась, показывая пальцем на кусок сыра.

— Смотри-ка, тебя как крысу хотели отравить, съела бы и корчилась в агонии дня три. Чую за мужика тебе прилетело. Ну с такой красотой немудрено.

Старуха наклонилась и скинула все продукты один за другим в костёр, а тот, как живой, радостный, но жутко голодный пёс, мгновенно всё проглотил. Какое счастье, что огонь не отравить.

Страх всколыхнул весь ужас и боль бесконечного дня, перед глазами ненавистные рожи, желающие мне смерти, и с удовольствием бы добили, стоило оступить и упасть. Только благодаря лекарю я выжила.

Чтобы хоть немного отвлечься от мыслей, и от запаха горячей еды, оглядываюсь по сторонам и немного офигеваю, уже не уверена, правильное ли это слово, но сути не меняет. В просторном зале стоят сундуки, ящики и мешки с вещами, и сундучки с драгоценностями. Чего здесь только нет. Свет от камина выхватывает только первые ряды, а что там дальше, похоже, и сама «хозяйка» не знает.

Лависса мне сразу напомнила собирательницу, но теперь я вижу, что это факт, и не только она, но и её «сыночки» тоже этим страдают, даже трети богатств хватило бы, чтобы жить безбедно целому городу. А они просто не могут успокоиться, грабят и грабят.

И тут я вспоминаю, что меня же собираются «навещать», ладно бы лекарь. Но Хендрик и люди бургомистра с проверкой. Мне не позволят здесь наводить чистоту, это точно. Но если алчные горожане узнают, какое богатство здесь хранится, то их ничего не остановит, тем более слабые женщины вообще не в состоянии сдержать натиск. Беглый каторжник, скорее всего, тоже не так силён, каким его обрисовала старуха.

А ведь она с самого начала назвала меня шпионкой.

И кажется, так и есть, я не по своей воле сейчас насолю пиратской банде, и они со мной разделяются ещё более жестоко, чем горожане.

Глава 4. Настоящий хозяин

— И чего ты встала? В ногах правды нет. Голодная поди? — проворчала хозяйка, не прекращая помешивать варево в большом котле.

— Угу! — киваю, а сама продолжаю думать о том, как деликатно сказать, что меня соби-
раются «навещать» не самые приятные люди.

Лависса довольно бодро зашуршала, брякнула, звякнула посудой и плеснула в неболь-
шую плоскую ароматную похлёбку, самую простую из копчёного мяса и проса или другой мест-
ной крупы. Но необычайно сытную и даже вкусную. На антисанитарию я закрываю глаза. На
самом деле не такое всё и грязное, а в полумраке и вовсе не видно, мылась ли посуда, или
просто снегом обтёртая на скорую руку.

— Очень вкусно! — ложкой работаю так, что звон стоит.

— Добавить? Хотя нет, лучше позже, а то живот скрутит. Вот возьми кипятка с лепёшкой,
и хватит. А чуть позже лекарства своего хлебни, это из-за него ты бодрая, а так свалишься в
лихорадку.

— Спасибо, я сама, в смысле чай, — хозяйка хотела по своей одинокой привычке подать
мне кружку и лепёшку, но я поспешно вскочила, и сама налила из чайника горячую воду, бро-
сила в неё несколько сушёных ягод и взяла лепёшку. Про лекарство даже не удивилась, раз
она учуяла яд в «ароматном» сыре, то запах лекарства я и сама чувствую. Пожимаю плечами,
словно сама с собой разговаривала и присела на своё местечко у камина, хоть немного про-
греться.

Обед показался пиршеством. Но серьёзно поговорить нужно, и чем быстрее, тем лучше.

Набралась смелости и негромко начала:

— Если бы не вы, я бы уже загнулась и от страха, и от неустроенности. Пока бы сообра-
зила, как здесь и что. У меня ни чайника, ни ложки, ни плоски. А потом съела бы отравленный
сыр... Вот, кстати, об этом. Они грозились приезжать и проверять мою работу, я типа должна
отмывать замок, на случай если господа приедут.

Мой виноватый взгляд Лависса проигнорировала:

— И что? — откусила лепёшку, тоже запила кипятком, словно ничего такого сейчас не
услышала.

— Ну, если городские придут, увидят эти богатства, их остановит только пуля. Разграбят
всё, меня и вас убьют. Мне кажется, я принесу вам большие неприятности. И сбежать не могу.

Протягиваю вперёд ногу и показываю проклятый браслет.

Она уставилась на него, словно припоминая, поморщилась от лютого отвращения, может
быть, сама когда-то носила подобный.

— Спрячь от меня эту гадость. Послушай, городские сюда бывает, что заглядывают, а их
рыбаки видят наши кораблики и догадываются, что здесь дело нечисто. Бургомистр, всё норо-
вил обуздать нас, но струхнул, мои сыночки-то шутить не умеют, сама понимаешь, приплывут,
увидят, что нас разграбили и убили, отомстят так, что от города камня на камне не останется.
Таких пушек, как у моих мальчиков нет на всём побережье. А тебя сюда отправили с отрав-
ленной едой, и на верную гибель, не яд, так банда моих сыночков, или холод и голод, тебе без
меня здесь не выжить, но горожане об этом не знают, они не придут. Помяни моё слово...

Она снова отломала кусочек лепёшки и, громко швыряя, хлюпая, запила горячим напит-
ком.

— Люди бургомистра нет, а вот Хендрик, тот, за кого меня отдали насильно замуж, и
кому я бутылку об голову разбила, вместо первой брачной ночи... Он обещал прийти за мной,
и отомстить за позор, что его женщина одолела. Да что там одолевать-то, пьяный, толстый
уродливый боров, да ещё и вонючий.

Лависса закатилась беззвучным смехом. Её моя трагедия рассмешила. Но внезапно, через несколько секунд, я сама не заметила, как тоже начала хохотать до слёз. И правда, вспомнились эти рожи и Герти, победно вцепившаяся в руку своего ненаглядного мужа. Они показались настолько жалкими, что я вдруг отпустила ситуацию.

Меня приняла мать пиратов, за моей спиной тонны богатств, и я сытая, в тепле, и мне почти ничего не угрожает.

Почти...

Тело вдруг пронзила острая боль, показалось, что меня сейчас разорвёт на кусочки. Успела только поставить кружку на ступень у камина и начала заваливаться, а мой стон и крики распугали ворон, дремавших где-то под крышей.

— Да что же ты, сказала же выпить лекарство. Вот балда.

Старушка быстро открыла флягу и влила в мой рот несколько глотков мутной жидкости.

— Глотай, сейчас отпустит. Это магическое зелье, тебе знатно досталось, всё же лучше отправить тебя в постель, а то престаившись раньше времени, а мне уж без тебя скучно. Ну, сейчас отпустит, не гоношись, сейчас...

Она крепко обхватила меня за плечи и держит, чтобы меньше трясло. Отпустило и правда быстро, я так и не поняла, что это за недуг такой странный, от побоев не трясёт. У Эйви была эпилепсия? Или какие-то припадки?

Окружение превратилось в туман, я начала видеть какие-то странные тени, до жути неприятные. Тошнота подступила, голова закружилась. Но я сама вроде как стою поодаль и наблюдаю со стороны, как Лависса помогла мне пройти к тюкам и уложила на матрас, укрыла лоскутным одеялом и похлопала по плечу.

— Сейчас отпустит. Надо же, не думала, что ты из этих...

Хотела спросить «из каких», да тело не слушается, последние шаги до лежанки забрали последние силы. Всё погрузилось во тьму. Только по ощущениям ловлю тепло, какое живой огонь посылает мне, чтобы согреть.

Чудно всё настолько, что приняла эту историю за дурной сон.

«Проснусь в своём мире, в тепле, чистоте и безопасности!»

Но проснулась я от грохота, какая-то посуда выпала из рук Лависсы, и с шумом покатилась по каменному полу. Знатный будильник, и не перенести звонок на полчаса позже.

Пока меня не трогают, лежу, притаившись под одеялом. Впервые за сутки отогрелась, если бы не желание сходить в нужник, то до утра бы и не вставала.

Только хотела пошевелиться, потянуться, как услышала какие-то новые, пугающие звуки как набат. Это из города? Или пираты...

Это шаги!

Эхо разносит по залу гул, словно удары колокола.

— Ой! — испуганный возглас старухи заставил меня замереть, даже перестала дышать, зажмурилась от паники, так сжала кулаки, что отросшие ногти впились в ладони.

— Лависса, вы нарушили договор! — и снова гул, но теперь от низкого мужского голоса. Только бы мне не сорваться в панике, и почему я так реагирую, как заяц, завидев гончих. Хочется бежать, но дальше ворот не убегу.

— Еду я вам каждый день приношу, за замком присматриваю, да девчонку приютила, но у меня силы не те, а она крепкая, будет мне помощницей.

— Девочка должна уйти, завтра утром, чтобы духа её здесь не было! А когда вернутся твои люди, передай главарю, что и вам здесь уже оставаться нельзя.

Я оцепенела от ужаса, ладно бы только новость, что мне здесь не место.

Нет, каждое его слово пробирает до основания, вонзается под кожу, и по венам стремиться к сердцу, чтобы уколоть побольнее. Это такой приём, выказать своё не гостеприимство?

Снова шаги к моей лежанке, одеяло приподнялось, и я зажмурилась ещё сильнее, только бы не видеть страшного хозяина...

Глава 5. Хозяин

Видимо, Лависса не так сильно боится хозяина, как умело демонстрирует свой трепетный страх.

Стоило ему отдать приказ о расторжении договора, как старушенция решила, что отступать ей некуда, а терять есть что, и решилась на беззастенчивый торг.

— Милостивый господин, но как же? Девчонка слаба, избитая горожанами, но сильная, она мне по хозяйству сгодится, мы к вам и нос не покажем. Клянусь, а как мои парни приплывут, так на такую ораву еды готовить, не справлюсь одна-то. У нас есть уже местечко, куда перебраться, заберу дочку с собой, были сыночки, станет и дочка. Вы о нас на следующий день позабудете и не вспомните. Да и раз уж переезжать, мне ж багаж собрать надо, перебрать шмотье, что-то скормить Огню, что-то вам оставить...

Её заискивающий монолог прервал какой-то шум во дворе, но всё быстро стихло. Хозяин или каторжник уж и не знаю, кто он на самом деле, убрал трость, и одеяло снова спрятало меня от неприятностей.

Не дышу...

— В городе есть шпионы. Про вас уже знают, и как только снег в горах сойдёт, сюда придёт отряд. Времени разбирать тряпье уже не осталось. Молись, чтобы твои пасынки не опоздали. А девчонка всё равно должна уйти...

Я решилась выступить, отвага и безрассудство, а ещё пыль от одеяла ужасно щекочет нос.

— Ап-чхи! Ушла бы, сбежала, но у меня браслет на ноге, и я не могу отойти от замка больше чем на двести шагов. Либо смерть, либо сидеть здесь и раздражать вас своим присутствием. Третьего не дано, извините.

Пропищала, не приподнимаясь и не выглядывая из-под одеяла.

— Лависса это правда? У неё браслет рабыни на ноге?

Слово «рабыня» меня огорчило до ужаса.

— Угу, она рабыня герцогов, бургомистр её обрёк на это и без особой причины, всего-то дала бутылкой по башке охальнику. Прошу прощения за неудобства, но она здесь единственная, кто по праву может оставаться и ждать отряд или своих хозяев, а нам всем придётся уйти. Она часть этого проклятого замка...

«Хозяин» недослушал, резко развернулся и вышел из наших каменных чертогов, громко звякая набойками на каблуках. Тёмный плащ тенью скрыл его огромную фигуру, жаль я поздно вылезла из своего укрытия, а может быть и вовремя, хотелось его рассмотреть, но теперь понимаю, он злощий на меня из-за браслета, и вполне может силой выкинуть за пределы замка, и тогда конец неминуем.

А я теперь злощая, что стала рабыней. Даже с пиратами не уйти в море. Никто не захочет разбираться, по какой причине, я оказалась в такой ситуации, никто меня не пожалеет. Наоборот, обрадуются бесплатной рабочей силе, а ещё хуже — наложнице.

От неприятных мыслей меня снова знатно встряхнуло.

— Он сильно злой?

— Он сильно опасный, я же тебе сказала, что силен как кит, и у него свои дела в этом мире, — проворчала старуха и снова начала что-то перебирать в небольшом сундуке, создавая ареол из пыли вокруг себя.

— В таком случае, может быть, нам начать собирать вещи, точнее, перебирать, лучше быть готовыми к любой ситуации, собрать отдельно особо ценное, на случай экстренного побега, потом менее ценное и то, без чего можно обойтись. Мне всё равно с вами не уйти, а так хоть делом займусь. Вы уйдёте, и если хозяева не успеют приехать, то мне, наверное, конец.

Я уже села на матрасе, заплела светлые волосы в косу, и из подарка служанки лекаря достала длинные женские чулки, платье бы переодеть, но после бани. Завтра этим непременно займусь. А ещё стиркой.

Лависса долго посмотрела на меня, словно оценивая, стою ли настоящих усилий, или сама справлюсь, но ответила уклончиво с философским пафосом и мещанским прагматизмом одновременно:

— Конец, не конец, а жить надо, не по нашему уму загадки загаданы, но права, точно права насчёт того, как нам вещички разобрать. Особо ценного здесь только пара-тройка сундуков, золото и серебро, ещё три-четыре сундука с очень дорогой, расшитой золотом одеждой, какую можно очень выгодно продать. Есть оружие, дорогое и не очень, его парни разберут. А остальное не жалко, оставим настоящим хозяевам, раз даже наш Призрак намекнул, что они возвращаются.

— Призрак? — я переспросила по инерции, слово прозвучало очень похоже на «Шадоу» - тень. Язык совершенно незнакомый, но некоторые слова, например, как это, я узнаю.

— Мы его так зовём, имени не знаем, каторжником, преступником или беглым называть такого человека неприлично. Так что да, для нас он Шэйд, но, если вдруг тебе придётся с ним заговорить, не вздумай его так называть в лицо. Просто господин, и всё.

— Понятно. Пока я вменяемая, покажите, пожалуйста, мне нужник и где здесь вода, и можно ли сделать баню. Хочу смыть с себя всю гнусть, прилипшую в городе.

Лависса тихо рассмеялась, мы вообще вдруг стали разговаривать очень тихо, не хочется, чтобы господин Шейд снова не пожаловал к нам на огонёк.

И про браслет молчим, и она, и я, а что говорить, если и так понятно, что снять эту гадость невозможно. Чтобы сгладить неприятный момент, хозяйка (или мне её теперь можно матушкой называть), поднялась со своего кресла и поманила меня рукой.

Пришлось обвязаться большой шалью и снова накинуть меховую жилетку, на улице холод невыносимый.

Старуха показала на тёмную стену, с трудом поняла, что она имеет в виду, это туалет?

Кажется, да.

— Вон там отхожее место, не самое уютное, особенно для женщин, в сильный мороз на ведро, и после выливаем, — смотрю и в очередной раз удивляюсь, если не сказать хлеще, кажется, я как-то ругнулась, уж и не знаю, что означает слово «KuKs», но Лависса хихикнула.

С той стороны, где выход к морю и самый крутой обрыв в стене несколько проёмов, и невысокие дверцы, прям как в салуне на диком западе. И в каменном полу дыры, если туда заглянуть, то видно, как морские волны бьются о скалистый мыс, зрелище, пугающее и завораживающее одновременно. И дыры огромные, если провалиться, то уже не спастись.

— Нравится? Господам подают ночные вазы, а после выливают сюда. А мы люди простые, однако, тебе ещё богатыря рожать, потому не застудить бы самое ценное. Тоже ночью на ведро ходи.

С ужасом вздрагиваю, услышав про роды, первая мысль, вдруг Хендрик успел испортить тело невинной Эйви, вдруг я беременная от уроды. Тошнота комом подступила к горлу, но я промолчала, скорее зашла в «туалет» и не обращая внимание на холод, ветер и потрясающий вид внизу, присела, заодно рассмотрела своё исподнее, оно оказалось чистым и целым.

Она сумела отстоять свою невинность и погибла от удара подлече Хендрика, а я каким-то чудом ожила в её теле, но хотя бы не беременная от недалёкого кретина.

Отмахиваюсь от неприятных мыслей, и прошу продолжить вечернюю экскурсию по замку:

— А колодец есть?

— Родник никогда не замерзает, пошли, покажу. Водичка лечебная.

Старушка с удовольствием ведёт меня по замку и по пути показывает, что здесь есть ещё: конюшни, дома для прислуги, старая часовня, два каменных круга – мельница на лошадиной тяге, и сами дворцовые постройки для знати. Неприглядные, старинные и довольно убогие.

— Такие покои зимой протопить почти невозможно. Совершенно непрактичное жилище. И как вижу, дровами здесь небогаты.

— А зачем дрова, магический Огонь – душа дома. Ты, как с луны свалилась.

— Почти, так и есть. Но магия — это не метафора? — кручу головой по сторонам и переспрашиваю «матушку».

— Что значит метафра?

— Иносказание, метафора, это когда сказочным образом называют обыденные вещи или события, — сейчас и для меня новый язык вызвал некоторые затруднения. Возможно, я как-то выдаю себя речью.

— Да, что ты! Конечно, не сказочные это вещи, а самые что ни на есть настоящие. Ты же видела нашего Огонька. Он живой, мы его много лет назад с собой принесли, а до нас замок-то был мёртвый. Совсем мёртвый. А сейчас оживает.

— Прямо сказка про «Красавицу и чудовище», — улыбаюсь, потому что мы пришли к самому милому месту в замке. Из камня высечена красивая чаша, и в неё из скалы по жёлобу стекает кристально чистая вода. Я тщательно помыла руки и умылась. Лицо обожгло холодом, но это придало сил, кажется, и синяки сошли, завтра непременно нужно сделать баню, или просто отмыться, пусть даже едва тёплой водой.

— Теперь ты всё знаешь, не заплутаешь, вот воду набери, а потом дам тебе поручение.

Я подставила деревянное ведро, и оно довольно быстро наполнилось водой. Из-за моей слабости назад воду несли вдвоём.

На удивление мне здесь даже понравилось. Но это при условии, что пираты нам привезут еду. А в противном случае придётся Лависсе самой обменивать наши богатства на провиант в городе, что очень опасно.

Замок только кажется надёжным укрытием, на самом деле, он больше напоминает ловушку, и я в неё угодила по самое не хочу.

— Так, я уж оттоптала ноги, да у меня есть дельце, второе спальное место приготовить, а тебе придётся самой отнести нашему господину ужин, сейчас всё соберу. Тихонько войдёшь в башню, поставишь на стол, и назад. Поняла?

Испуганно киваю, пока хозяйка с особой тщательностью собрала в корзину: котелок с похлёбкой, внушительный кусок копчёного мяса, три лепёшки и ещё что-то ароматное, но совершенно непонятное. Возможно, десерт, или нет, десертом ему стану я...

Но перечить не хочу, я человек подневольный, что сказано, то и делаю.

Взяла корзинку и понесла в ту самую тёмную башню, с которой у нас началось знакомство с Лависсой.

Уже стемнело, пришлось постоять некоторое время, чтобы привыкнуть к полумраку, и сориентироваться, куда идти. Непогоду унесло обратно в море, и над замком сияет очень тонкий серп молодого месяца. Красиво и жутко одновременно, собственно, как всё в этом замке, да и в мире.

Вздыхаю и спешу, вдруг подумала про себя: «курьер из Пятёрочки». Что-то так смешно стало, что я не сдержалась и рассмеялась в голос.

А не стоило этого делать.

Я же слышала что-то про собак хозяина...

На мой смех из дверей башни вылетела целая свора псов. Все чёрные, и бегут они молча, только глаза сверкают. Обняла корзинку, зажмурилась и завизжала, как сигнализация в машине.

— Помогите-е-е-е!

Глава 6. Псы и женская хитрость

Дрожа от ужаса, жду, когда псы меня укусят или повалят на землю, но неожиданно поняла, что кроме моих воплей, никаких других звуков и нет. Приоткрываю глаза и, кажется, сейчас поседею от ужаса.

Это не живые псы, а призраки. Они чёрные и непрозрачные, как из дыма, но стоят вокруг меня, и не мигая смотрят сияющими, золотистыми глазищами, оскалились, укусить не укусят, но ущерб от них может быть в разы хуже, вдруг это какие-то пожиратели душ.

— О м о й б о г! — хриплю не в силах пошевелиться, к такому ужасу я совершенно не готова.

Пронзительный свист с высокой башни заставил псов очнуться и умчаться к хозяину, а я ничего лучшего не нашла, как крикнуть в темноту: «Я принесла вам ужин, поставлю на стол, простите меня!»

И бегом назад, получать взбучку от Лависсы.

Но она даже слова не сказала, о чём-то спорит с Огоньком, наверное, и не слышала моих воплей, что к лучшему. Закралось подозрение, а что если она слегка сумасшедшая, с огнём разговаривает, и пираты, возможно, не существуют, а это все богатства она просто собрала по всему замку и перетащила...

Хотя нет, перетащить такие сундуки, причём разномастные одной пожилой женщине невозможно.

Пираты существуют, и они для меня тоже опасные.

— Отнесла?

— Угу!

— Тогда пей лекарство и спать, я тебе постелила у Огонька, чтобы теплее было. Завтра утром начнём разбирать богатства. Чувствую, что мои ребятки скоро приплывут, совсем скоро. Успеем убежать, пока из столицы не нагрянули по наши души.

— Жаль, что без меня, — вздыхаю и снимаю с себя жилетку и шаль, ботинки ставлю поближе к Огоньку и ложусь в постель. Ночью я на улицу не выйду, псы меня знатно напугали, хотела уже закрыть глаза, но Лависса выдала очередное «решение» моей проблемы:

— Ну почему же, можем отрубить тебе ногу, зато станешь свободной...

Содрогнулась от перспективы превратиться в одноногого пирата, но вдруг ответила: «Как самый крайний вариант, может, и так!»

Она довольно рассмеялась, поймала меня на испуг.

— Да не кисни, не такое сильное это заклятье, думаешь, тебя просто так к нашему-то отправила?

Я аж подскочила, и, опершись на локоть, внемлю каждому звуку, какие произносит старушка. У неё, значит, есть план, и она меня не бросит? Во мне затеплился свет надежды.

— А он может?

— Он, наверное, всё может. Свору видела?

— Угу, — мы перешли на заговорщицкий шёпот.

— Это местные призраки, помню их историю. Лет сто, или двести назад псы покусали какого-то отпрыска клана герцогов, папашка-то рассвирепел, псов проклял и сам расстрелял. А потом набрал новых, и те уж были поспокойнее. Так вот, та проклятая свора и носилась по замку-то, а наш-то приструнил их, приручил, и они теперь у него на службе.

— Значит, если я его достану, надоем, и он по-настоящему захочет от меня избавиться, то сможет снять это не самое сложное заклятье, по сути, отпустить меня на все четыре стороны с вами?

— Соображаешь, так что он просил вести себя потише, а я прошу тебя, делай его жизнь невыносимой.

Мы рассмеялись, но я тут же кое-что напостила старушке.

— А не проще ему меня в дырку протолкнуть, ту, что в сортире?

— Тогда пусть сам себе варит еду...

И мы снова рассмеялись, Женщины, такие женщины. Кажется, я тоже чуточку ведьма.

Однако теперь у меня появился не лучик, а настоящий факел надежды.

— Спокойной ночи, и тебе, Огонёк, тоже спокойной ночи!

— И тебе, Эйви приятных снов...

Эти слова явно произнёс Огонёк, но они беззвучные, просто эхом прошлестели в моём сознании. А я теперь ничему не удивляюсь.

Сытая, согретая, в относительной безопасности, под приятное потрескивание и ворчание Огонька я мгновенно уснула. Собиралась ведь подумать о ситуации в целом, о себе из прошлой жизни и о том с каким ветром попала сюда, куда там, события последних часов просто опустошили, не позволяя опомниться.

Приснился сон, а может быть, и наяву то было, да я не поняла, но к нам снова заходил Шэйд, и несколько минут пристально смотрел на меня. А я почему-то улыбнулась и прошептала ему: «Не оставляй меня!».

Утро началось с громкого ворчания Лависсы, что мы всё проспали, давно пора хозяину отнести завтрак, а нам приниматься за работу. А уж после работы, можно и мыться.

Готовить завтрак пришлось мне.

— А что сделать?

— Да что угодно, только побыстрее, — проворчала мать пиратов и уже начала разбирать один из кованых сундуков с драгоценностями.

Чтобы не отвлекаться на всевозможные украшения, скорее проверяю посудины, что ближе всего. Знаю, что есть ещё съестное что-то у входа в сундуке, но там для похлёбки. А у нас насущный вопрос — завтрак.

Запас провианта скудный, овощей почти нет, яиц, масла тоже нет. Копчёности на любой вкус, сушёные грибы, мука, крупы и сыры...

В голове вспыхнула гениальная идея.

Вчерашние довольно тонкие лепёшки из воды, муки и соли, разложила на широком плоском камне, который хозяйка использует вместо плиты, накрошила немного лука, самую малость отрезала от тыквы, вместо томатов пойдёт, и побольше копчёного мяса, сверху посыпала мелко порубленным сыром и специями.

Пицца получилась знатная, не такая, к какой я привыкла, но с помощью Огонька мы её довели до идеальной кондиции.

— Вы пока за чайником проследите, а я отнесу завтрак нашему господину.

— Ух ты, это где тебя так научили, пахнет магически! С этого дня ты у котла, и это не обсуждается! — Лависса трижды облизнулась, пока вынесла мне очередное предписание. А я взяла один из серебряных подносов, протёрла и положила три самых удачных пиццы. Пусть пробует, вдруг сжалится и поможет.

— Само получилось, вы мне только хоть одну штучку оставьте.

— Не бойсь, оставлю. Беги, пусть слюной подавится! — рассмеялась старуха, и я поняла, что если не поспешу, то придётся себе делать пиццу снова.

На улице потеплело.

Осмотрелась, вчерашний мокрый снег на площади так и лежит девственно-чистым слоем, никто не проходил, чужаков не было, и наш господин ко мне если и являлся, то только во сне. Теперь я должна быть осторожной, иначе...

— Эй, уважаемый! Я вам принесла пищу, очень вкусная, три штуки, поспешите, а то остынут! — крикнула, но опомнилась, мне с ним лицом к лицу пока рано встречаться. Надо всё по закону жанра, сначала обработать мужчину едой, заботой, или неуклюжими ситуациями, а уж потом просить о помощи.

Оставила поднос на большом столе и сбежала.

— Как дикого зверя приручаю, честное слово, — шепчу себе под нос, а сама почему-то улыбаюсь. Моё буйное воображение нарисовало прекрасного, заколдованного принца, беглого от злобных козней злодеев, фа-фа-ля-ля, и прочую розово-ванильную муть.

Логика твердит совершенно иное, он не принц, и не прекрасный, и вполне возможно, что если я его разозлю, то он рассвирепеет и окажется ничем не лучше горожан.

Отряхиваю ботинки от мокрого снега и скорее сажусь к столу, есть оставшуюся пищу, а то хозяйка слишком уж на неё жадно смотрит.

— Вкусно, но мало.

— А когда ваши сыновья приедут, как их кормить-то? И вы сказали, что они опасные для меня.

Жую, а сама решила уточнить деликатные моменты нашего дальнейшего сотрудничества.

— Если выберешь себе жениха, то всё образуется само собой, а я советую брать Питера, он красивый, статный, сильный и если полюбит, то будет верным. Смекаешь, к чему я?

Качаю головой, не могу понять, на что она намекает.

— Да брезгливый он, по бабам не шастает, была у него женщина любимая, но погибла. Он теперь ни на кого не смотрит, им-то токмо падшие бабы дают в портах, а ты невинный цветочек. Заразу тебе не занесёт, всё тебя учить надо уму-разуму. Вроде взрослая, а такая глупая и наивная. Точно, за Питера тебя и выдам, вы прям пара, так и скажу старшему. Тогда никто тебя трогать не посмеет, кроме нового мужа. И на корабле они по очереди себе харчи готовят, так и здесь будет, не переживай, невестушка...

Приплыли...

Только спаслась от счастья делить постель с Хендриком, как тут же сосватали за какого-то там верного Питера. И прекрасно понимаю, что Лависса, если придумала эту идею, и посчитала её гениальной, то всё сделает, чтобы исполнить. Даже ногу мне отрубит, но с собой заберёт.

Появилось навязчивое желание сделать такой обед для господина, чтобы он сам пришёл и расколдовал мою ногу.

К сожалению, вторую сторону сложившейся ситуации, я не додумалась рассмотреть. Что если ему моя стряпня так понравится, он просто оставит меня при себе навечно кухаркой, служанкой, рабыней.

Может, и к лучшему, чем замуж за пирата, даже самого верного.

Быстрее сметаю крошки, чтобы мышей не привечать, протираю жарочный камень и прикидываю в уме, что сделать на обед, простое, но вкусное. Поставила воду на похлёбку, а сама подошла к Лависсе, любопытство взяло верх. Что там такое сияет, посмотреть, да померить бы.

— Нравится?

— Очень, но начистить каждое бы надо, однако нет времени. Колье, кольца, браслеты, монеты. Сколько же людей пострадало за эти драгоценности.

— Тебе лучше не знать. Но некоторые вещицы отдам тебе, если выйдешь замуж за Питера.

Пожимаю плечами, не желая её разочаровывать, а то ещё выгонит за ворота. Что-то даже в руки брать неприятно эти вещи, а ведь сама же вызвалась помогать их разбирать. Осторожно поднимаю большую цепь из тёмного золота, самая старинная вещь, как мне показалось. Художественной ценности в ней нет, наверное, только переплавить...

— Вот примерь тиару, тебе такая в самый раз, из королевских тайников, не иначе, только там такие вещички...

Лависса протянула мне шикарную «корону», правда, камни в ней всех цветов и рубины, и изумруды, и даже алмазы с очень грубой обработкой, до бриллиантов не дотягивают, увы. Но всё равно тиара поражает красотой и дороговизной. Рассмотрела и надела на голову, без торжественной музыки и слов, но даже так, ощутила себя «королевой».

— Иди, вон там в углу есть зеркало под тряпкой, я его ненавижу, а тебе ещё есть на что посмотреть...

Да уж, она не понимает, что мне не просто есть на что посмотреть, но и есть с кем познакомиться, с собой новой. Сдёрнула пыльную тряпку и замерла, потеряв дар речи и вообще способность шевелиться. Это была самая большая ошибка, я себя не узнала, но ещё хуже, я увидела реальность такой, какая она есть.

Из мутного пыльного зеркала на меня с ужасом смотрит блондинка-замарашка, со ссадинами и синяками по всему телу, в драном, грязном платье, спутанные волосы превратились в сосульки. Но зато на голове корона, как издевательство, чтобы подчеркнуть пропасть между мной и той женщиной, что была бы достойна носить это украшение. Если смыть грязь, то в принципе, и ничего так личико, но я кроме серости и ссадин ничего не вижу.

Всегда ненавидела грязь и теперь испытала такой шок, от которого чуть было не стошнило, словно очки надела, а была совершенно близорукая. «Прелести» нового мира явились ко мне во всей своей красе.

Так жить нельзя, я физически не могу и не смею превращаться в такую же старуху, какой стала Лависса, ни за что на свете не опущусь до такого состояния, когда приличные люди будут затыкать нос или отводить взгляд, заведя меня. Сейчас же я идеальная кандидатура на должность жены брезгливого пирата Питера!

Тело начинает нервно чесаться. И я себя знаю, пока не отмоюсь, покоя мне не будет.

Кидаю корону обратно в сундук, хватаю ведро и бегом к источнику. Стирать всё, что найду подходящее для себя, потом отмыться, потому что одно длинная простая и чистая рубаха у меня есть.

Делаю несколько уверенных шагов по снегу, даже псы пронесли к воротам, я им больше не интересно, делаю ещё один шаг и...

— Эйви! Эйви! — от ворот меня кто-то окликнул, лекарь? — Эйви, твоя матушка приехала! Выйди сейчас же!

Ведро выпало из рук и покатилося, оставляя на снегу замысловатый след...

У Эйви есть мать?

Глава 7. Настойчивый лекарь

Оборачиваюсь на крик и долго смотрю в сторону огромных ворот, «посетители» почему-то боятся войти. Я никого не вижу, очень хочется надеяться, что это не какая-то новая ловушка от «сердобольных» горожан. С другой стороны, меня никто не заставляет подойти, но не выходить за безопасный периметр.

(Боже, с чего это я взяла, что в замке безопаснее, чем за его пределами).

— Эйви, выйди, ты слышишь? Мне нужно с тобой поговорить. Твоя мать ждёт в карете...

Настойчивый голос Альберта вынудил меня ускориться. Странно, я не смогу пройти до кареты, он же это знает, сам видел, как конвоир протащил меня всего сотню метров, и браслет начал беспощадно издеваться надо мной. А до повозки оставалось ещё приличное расстояние.

— Иду! Подождите! — крикнула на всякий случай, чтобы он перестал голосить, с другой стороны, если мать сама попросит нашего господина Шейда, и пообещает меня забрать отсюда навсегда, то, может быть, он сжалится и проявит свою магическую мощь.

У самого выхода из замка ветер и сырость отполировали мостовую до блеска. Наступаю и чуть не свалилась, кое-как удержалась на ногах, пришлось гололёд обойти стороной, придерживаясь за стену, здесь вообще одни преграды, не одно, так другое, не хватало ещё ногу сломать, ворчу себе под нос, точно, как старушка.

Вот и ворота, вот и лекарь, хотелось бы уйти с ним, протягиваю руку, но он почему-то не ответил на рукопожатие. Ну да, я такая замарашка, что приличному человеку и смотреть неприятно, не то, что руки пожимать.

Сейчас я продолжаю видеть новую реальность непредвзято, и рассматриваю гостя с любопытством. На лекаря этот человек, вообще мало похож, скорее какой-то военный или капитан корабля, но давно в отставке. Хотя он же говорил, что в прошлом служил армейским лекарем. И всё же не клеится его образ с профессией. Не такой опрятный, каким должен быть, потрёпанный жизнью, крепкий мужлан, и смотрит на меня с великим любопытством, как на подопытную крыску, слишком быстро пробежавшую по замысловатому лабиринту. Однако он единственный заботился обо мне, потому лучше проявить уважение и учтивость.

— Добрый день, Альберт. Рада встрече. Как видите, я ещё жива. К сожалению, я не могу выйти за стену, вы же знаете причину, может быть, попросите мою матушку прийти?

— Она ждёт, когда я свистну, для начала мне нужно поговорить с тобой.

— О чём? — обхватываю себя руками, вспомнив, что забыла накинут меховую жилетку, и уже начинаю замерзать.

— О тебе и о замке. Как тебе удалось?

Я действительно не понимаю, что ему конкретно интересно, как я выжила в этом страшном месте, или почему не съела отравленный сыр?

— Что удалось? Дожить до этого утра? Сыр в мешке был отравленный, кто-то решил от меня избавиться. Если вам интересно, то мне помогли. Здесь живёт старушка, божий одуванчик, и она приютила меня из-за страха одиночества, жизнь ужасная, грязная, холодная, опасная, но вдвоём веселее...

Он в нетерпении прикрыл глаза, пришлось замолчать на полуслове. Его явно не старушка интересует.

— Старушка? И больше никого?

— А вы, если хотите, сами пройдите по замку, посмотрите, я не горю желанием бродить по заброшенным зданиям. Даже если здесь есть ещё кто-то, то мы об этом не знаем и знать не хотим. Замок пустой, холодный и страшный. Мне приказали его привести в порядок, но это абсурд. Я одна никогда не отмою даже тот небольшой зал, где мы укрываемся от непогоды. Здесь только каменные, голые стены...

— Значит, никого нет?

Отрицательно качая головой, кажется у нас закончились темы для разговоров.

Вспоминаю о ноже, вытаскиваю его из кармана и возвращаю хозяину:

— Кстати, вот ваш нож, он очень дорогой, заберите, у нас есть домашняя и кухонная утварь. Я очень благодарна вам за помощь.

Лицо Альберта выражает лютое разочарование.

И я прекрасно понимаю, что ему очень хочется узнать про хозяина, а я почему-то, даже если бы хотела, то и слова бы про него не смогла вслух сказать.

— Хендрик, его мать и бургомистр между собой разругались. Твой бывший муж припомнил, что сам на тебя накинудся без должной учтивости, и теперь кроет почём зря всех, кто тебя избил и приговорил к заточению. Кажется, избил Герти, да так, что она лежит и стонет.

Мои брови встали домиком, а рот открылся, не лицо, а скворечник. Такого положения вещей и событий я и предвидеть не могла.

— В самом деле?

— Да, он сказал, что похмелье прошло, и теперь он желает тебя вернуть...

— Лучше замок! А ему пусть Герти по ночам отдаёт то, что должна, если очухается после кулачной ласки. Наш брак, к счастью, расторгли. Так вы позовёте мою матушку?

— Мачеху, она сказала, что ты дочь её покойного мужа. Всю дорогу причитала, что-то о позоре на её голову. Мне жаль, Эйви, но бургомистр запросил очень высокую цену, за то, чтобы снять с тебя браслет. У него есть ключ, но госпожа Дуриансон не готова платить за тебя, и твоя мачеха тоже не желает этого делать.

Смотрю на Альберта и нутром чую: ни единого слова правды он не говорит, разве только про Герти, Хендрика и мачеху. А вот про ключ явно что-то мудрит, он тёртый калач, мгновенно отвернулся, посмотрел в сторону моря, взял себя в руки и теперь источает такую харизму, что я вдруг усомнилась в своих подозрениях. Ведь он единственный, кто проявляет обо мне заботу.

— Благодарю вас за честность, но я сама заплачу ему за ключ, причём хорошую цену, пусть придёт, завтра или в любое время. В замке есть немного ценностей, мы со старушкой уедем в столицу, и о нас все забудут. Или вернёмся в мой отчий дом...

Не успеваю договориться с лекарем, о самом важном, как услышала раздражённый крик от кареты:

— Господин лекарь, Эйви вышла? Потребуйте у неё подписать документы на дом. Каторжанкам не нужно наследство, девка опозорила наш доблестный род! Или я на неё пожалуюсь королю! Скажите ей, мне не хочется тащиться наверх! — она одной фразой выдала все свои неприглядные мотивы.

Смотрю вдаль, но за огромными камнями не вижу кричащую женщину, очень хотелось ей ответить, однако не стала опускаться до некрасивой ругани, по-русски я бы ещё могла сказать деликатную гадость, но на этом суровом наречии даже ласковые слова звучат слишком грубо и режут ухо.

Вздыхаю и прощаюсь с последней надеждой на спасение, у Эйви нет матери и некому заступиться, в таком случае ухожу в глубокую оборону:

— Передайте мачехе, что я ничего подписывать не буду, могу господину бургомистру отдать свой дом за ключ от браслета. Вот такие мои условия. А Хендрику передайте, что я к нему не вернусь, уж лучше здесь с пира...

И прикусываю губу, в запале чуть было не выдала великую тайну. Но Альберт слишком умён и понял о ком речь.

— Пираты?

— Я вам ничего не говорила, они бывали здесь иногда, но по словам старухи, больше им здесь поживиться нечем. И это к лучшему, ведь если они заявятся, то для меня их визит добром не закончится, вы же понимаете. Вот именно поэтому ещё раз прошу вас, передайте

бургомистру, что я перепису на него своё наследство, если такое есть, и уеду в столицу, чтобы никого здесь больше не позорить, — и многозначительно киваю в сторону небольшой кареты, у подножия утёса.

— Хорошо, я передам твои условия, однако Хендрик действительно может прийти к тебе, если в замке только ты и старуха. Вас никто не защитит, тем более от пиратов.

Не понимаю, зачем он говорит очевидные факты? Как будто есть какое-то мгновенное решение, а я по глупости его не вижу.

— Да, наша единственная защита – прятки, старуха знает замок, и обещала в случае опасности уберечь меня. Прошу прощения, вы проделали такой путь, но я замёрзла, очень рада была вас встретить снова. И надеюсь, что вы передадите мои условия бургомистру, да и мачехе.

— Передам...

Ответил и замер.

К нам подбежала призрачная свора, псы окружили меня и смотрят на лекаря, очень недобрым взглядом.

И готова поклясться, он их увидел. Страх промелькнул в его глазах.

— Эйви, что ты скрываешь? Не обманывай, я твой единственный друг, скажи правду, он в замке?

И тут я включила дурочку и актрису одновременно, дайте мне «Оскара» немедленно!

— Да, кого? Здесь кроме нас со старухой и стаи ворон, которые ждут нашей смерти, никого нет!

— А это что? — он сердито кивнул на псов?

— Что? Снег? Лёд? Или моё уродливое платье? Простите, очень замёрзла, пойду.

— Ты их не видишь?

— Да кого? — снова недоумение.

— Псов?

— Лекарь, вам нужно быть осторожнее с лекарствами и крепкими напитками. Здесь никого нет, я ничего не вижу, тем более каких-то псов. И не пытайтесь меня запугать, и без вас страшно. Обниматься не будем, жду бургомистра в любое удобное для него время и желательно быстрее, пока сюда не нагрянули грабители или Хендрик с его безудержной страстью.

— Значит, он тебе не показался? — настойчивый Альберт так и не успокоится, псы начинают нервничать, а мне всё труднее делать вид, что я не вижу призраков.

— Кто?

— Настоящий хозяин замка, тот, кого все боятся, иначе давно бы разграбили все сокровища пиратов. Эйви, я всё знаю, и про несметные богатства, и про старуху баронессу выжившую из ума, жаль, что ты не хочешь проявить сознательность и помочь мне. Если увидишь этого человека, то передай ему, что его ждут во дворце, и чем быстрее, тем лучше, остальное он поймёт. Ведь скоро сюда придёт отряд из столицы, или военный корабль, и вас всех объявят пособниками морских бандитов, а за это ждут жуткие пытки и эшафот.

— Принесёте ключ, и возможно, я раз узнаю у старухи о хозяине, или она передаст ему вашу просьбу и новость, если, конечно, он существует.

— А ты умна...

Маска сердобольности слетела с него мгновенно.

— А вы отправили меня сюда специально? Чтобы я залезла в постель к какому-то мифическому хозяину? Ведь это ваш браслет? И ключ не у бургомистра? Они искренне ненавидели меня, а вы ещё хуже, притворились другом и предали. Это подло, я с самого начала чувствовала подвох, прощайте, принесите ключ и тогда поговорим.

Говорю слишком эмоционально, один из псов не сдержался и дёрнулся, а я выдала себя, посмотрев в его сторону.

— Раз ты настолько умна, то я тоже не собираюсь скрывать правду, ключ от браслета существует, и у меня есть к нему доступ. Если я увижу хозяина этих псов лично, то ты получишь свободу сразу же. Поняла? Твоя мачеха тебя ненавидит, у тебя вообще никого нет, подумай о себе, девочка, этот человек не стоит твоей жизни.

— Так войдите и поговорите с ним! Я вас не держу...

Разворачиваюсь и ухожу. Не стоило мне вообще подходить и затевать этот разговор. Альберт не лекарь, он какой-то шпион из столицы. А я приманка для мужчины, у которого давно не было женщины...

Глава 8. Новая хозяйка замка

Ненавижу таких людей. Всей душой, сердцем и разумом ненавижу.

Бургомистр не собирался меня ссылать в замок, вспоминая тот долгий взгляд перед объявлением приговора на Альберта, и потом фраза про проклятый браслет...

Всё это под давлением лекаря, он и в городе играл роль заступника, чтобы я ему начала доверять, считал дурочкой деревенской, да обломился.

После того, как я впервые взглянула на себя в зеркало и сознание прояснилось, всё вижу таким, какое оно есть в этом сером, холодном и очень грубом мире. И правда такова, что на меня всем плевать, заинтересованность проявляется только в том случае, если маячит выгода или надобность грубо использовать меня.

Фу!

Передёрнуло от отвращения...

Альберт посредник или охотник за головами, и по какой-то причине не может пересечь границу замка, и выманить Шэйда не получается. Вот и подвернулась старая, как мир идея, подкинуть жалкую девчонку, какую вполне нормальный здоровый мужик захочет или поймёт, или спасти, тут уж от порядочности зависит. Так или иначе, я в этой истории всего лишь сыр в мышеловке.

От злости забыла про холод, про то, что должна сейчас сделать обед. Иду неспешно через небольшую площадь замка, а псы рядом, словно у меня в кармане есть корм, и они об этом прекрасно знают, благо, что лаять не могут.

— Ведро, точно, я же за водой собиралась. Вот так жизнь только начнёт налаживаться, так нет, притащатся всякие предатели, испортят настроение, а потом приходи в себя неделю. Пусть ему аукнется этому Альберту. Карма в этом мире тоже есть! Герти получила, и этот получит!

Ворча себе под нос, поднимая ведро и неспешно иду к источнику, глядя себе под ноги, чтобы не оступится на скользкой мостовой.

Захожу за угол очередного строения и внезапно слышу звук льющейся воды, не просто льющейся, а настоящий поток, вздрагиваю, поднимая взгляд и замираю.

У источника стоит...

Стоит божество в мужском облики, совершенно голый, и, к счастью, спиной ко мне, это он сейчас вылил на себя ушат ледяной воды, стряхнул довольно длинные чёрные волосы и быстро завернулся в свою тёмную накидку.

Прошло несколько бесценных секунд, пока я сообразила, что произошло, и, наконец, смогла открыть рот.

— Эй, простите, не знаю, как вас зовут. Приходил Альберт Бакст, ему так надо с вами поговорить, что он решил ради этого из меня сделать приманку. Честное слово, я здесь жертва и совершенно не хочу играть в эти проклятые шпионские игры. Но цена такая: вы с ним встречаетесь, с меня снимают браслет.

Он неспешно повернулся, лицо уже скрывает широкий капюшон, а я всем своим нутром чувую, что вообще зря подала голос. Надо было спрятаться за углом, подождать, пока он уйдёт.

— Этот браслет не имеет ключа, тебя уже не спасти. Живи, пока можешь, другой жизни у тебя не будет.

— Судя по всему, как и у вас. Зато у меня уже была другая жизнь, и я с этой тоже разберусь. Лависса меня выдаст замуж за пирата, отрубим мне ногу, и я уплыву на корабле. Кстати, как водичка?

— Хм, бодрит...

— Прекрасно, я тогда тоже ополоснусь, ненавижу грязь. Обед сегодня будет чуть позже. Приятно было пообщаться!

— Хм, — только и нашёлся что ответить. Развернулся и клянусь, не ушёл, а сбежал. Я заставила его хмыкнуть дважды, уже прогресс.

Не знаю, что на меня нашло, но стоило Шейду завернуть за угол, я тоже стянула с себя одежду, вытряхнула её, зачерпнула воды из каменной чаши и с пронзительным визгом облилась.

— Ничего себе! Вот это кайф! — вода сначала вонзилась холодом в кожу, а потом обожгла, согрела и взбодрила так, что показалось сто килограмм грязи и камней свалилось, или цепи, или зажимы, неважно, но стало невероятно легко. Присмотрелась к покрасневшему телу, а синяки начали исчезать прямо как в прямом эфире.

— Это магическая вода, живая?

Зачерпываю снова и выливаю на себя второе ведро. Чтобы уже наверняка. Хорошенько отжимаю волосы, первыми натянула шерстяные чулки, потом ботинки, и последними пришлось надеть грязное платье и шаль. Бельё надо постирать, вместе с платьем, а ещё лучше выкинуть и найти в сундуках Лависсы что-то поновее.

— Ничего, сейчас так добегу, ух, как же здорово!

Если Шейд за мной наблюдает, а он совершенно точно наблюдает, то...

Стоило подумать о нём, как по телу пробежали согревающие мурашки. С нами что-то происходит. Я чувствую, какую-то связь, он не просто так пришёл именно сейчас «остудиться», наш разговор с Альбертом и то, как я отшила шпиона, так возбуждающе подействовали на Шейда? Или...

Пока я любовалась его шикарным телом, не заметила главного.

А теперь вспомнила, на его запястье такой же проклятый браслет.

— Твою ж... Мы оба пленники этого замка. И если он с себя не смог снять браслет, то и с меня не сможет. Ключа не существует.

Зачерпнула воду в ведро и неспешно вернулась в зал, где Лависса, отчаявшись ждать от меня обед, сама начала колдовать у камина. От её недовольства даже Огонёк зло трещит.

— Где тебя черти носят. Я уже похлёбку сварила. Фу, мокрая, как наш господин решила обливаться ледяной водой? Сляжешь с лихорадкой, я тебя выхаживать не буду. От воды одни болезни...

— Эта вода волшебная, она свела все синяки и ссадины на моём теле. Сейчас только переоденусь в чистую рубашку и помогу тебе с обедом, потом надо стирать, перемоем всю посуду. Похоже, что я обречена оставаться здесь до конца своих дней. А значит, с этого момента, я начинаю устанавливать свои правила, и первое правило: «Чистота во всём!»

— Смотри, как раздухарилась, через пару лет, когда одичаешь и взвоешь от одиночества, махнёшь на чистоту рукой...

— Так, так, так! Стоп. Пираты? Почему они могут входить в этот замок, а все остальные нет?

Я вдруг заметила нестыковку в этом вопросе.

— Сюда могут входить те, у кого есть договор с хозяином, но я не уверена. Ты надеешься, что пираты не придут? Боишься их? — старушка помешала варево и закрыла крышкой.

— Конечно, боюсь.

— Ты обречена стать вместо меня хранительницей их богатств. Они тебя не тронут, а мне осталось недолго, вот и весь секрет. Ты заняла моё место, а я могу спокойно помереть. Хоронить не нужно, просто скинуть в море, сама знаешь как...

Старуха внезапно сделалась такой обиженной, жалкой и печальной, что я не выдержала и крепко обняла её щуплые плечи.

— Киснуть нельзя! Лависса, нельзя...

— Проживёшь с моё в этом проклятом замке, не скиснешь, а зачерствеешь. Я давно молю о конце мучений, последние лет двадцать, а с твоим появлением, чувствую и свою смертушку. Так что скоро я получу волю, мечтаю об этом. И жалею тебя.

Приятное настроение, какое подарила мне вода, исчезло так же внезапно, как и появилось. Снова правда жизни предстала передо мной в самом неприглядном виде.

— Я не буду сидеть сложа руки, чувствую, что здесь какое-то проклятье или интриги, со всем разберусь...

— Обед нужно сделать и отнести господину. Привыкай к своим новым обязанностям. И кстати, всё это теперь твоё, выбирай, что нравится, стирай, штопай, носи, всё равно пропадает.

Она махнула большой поварёшкой в сторону сундуков, вздохнула и продолжила размешивать похлёбку.

— Этот мир такой грубый и жестокий, то я даже рада, что остаюсь здесь, в стенах замка! Отдыхай, Лависса, я отнесу ему обед, только сменю рубашку и оденусь теплее.

Она вот так запросто передала свои обязанности, и я почувствовала их силу. Это не магия, а нечто иное, странное и весьма необычное ощущение, теперь я словно подключилась к системе местного видеонаблюдения, не вижу, но чувствую, особенно живых, крупных существ. Вот прямо сейчас какой-то олень или горный козёл спускается с утёса по южному склону. Чувствую хозяина, просто его присутствие, Лависсу, и...

И о нас сейчас говорят в городе, кажется, ругань там нарастает, и крайней делают меня.

— Альберт решил натравить на замок оголтелых горожан, рассказал им о несметных богатствах, вот тварь! — ворчу себе под нос, собирая обед хозяину, пока Лависса прилегла отдохнуть. Есть только один способ спастись, договориться с Шэйдом, ну не может человек, с таким красивым телом быть подлецом, просто не может.

Хватаю поднос и спешу в башню господина, такая решительная, что куда деваться.

Глава 9. Лицо моего врага

Всего вторые сутки живу здесь, а появилось ощущение приятной деловитости, спешно иду в башню, а вокруг словно энергия клубится, наполняет меня силой.

— Прямо администратор тематического отеля, надо же, какая забавная шутка Вселенной. Ну нечего, приведём в порядок замок и заживём...

Как приведём, как заживём, об этом я подумать не успела, да и не хочется, чтобы не потерять настрой. Вот уже и башня, а рядом резвится призрачная свора, псы смирились с моим существованием, вообще не обращают внимание. А я стараюсь не смотреть на них, потому что пока только псы служат неприятным напоминанием, что это совершенно иной мир, и здесь есть магия, а я совершенно не вписываюсь в окружающую реальность, но пытаюсь себя обмануть в обратном только лишь потому, что так и не смогла вспомнить своё настоящее прошлое. Даже прошлое имя ускользает.

Но отлично помню технологии. Вот и сейчас промелькнула мысль, что в такой высокой башне лифт был бы кстати, причём, я же прекрасно понимаю, что такое лифт.

Большой, серебристый, и с зеркальной стеной, в которой я всегда наспех оглядывала себя, перед выходом из подъезда.

Стою у кованой железной двери в башню, и забыла обо всём, я нащупала «вход» в своё таинственное прошлое. Себя прежнюю в зеркале вижу смутно, брюнетка, кажется, очень красивая. А рядом...

— Боже мой, рядом какой-то мужчина, крепкий, харизматичный, мой настоящий муж? Да как тебя зовут? Что произошло? Ну же, отвечай! — не заметила, что говорю вслух и довольно громко.

Пытаюсь вытянуть из смутных образов хоть какую-то информацию. Но ничего, кроме осознания того, что я в какой-то момент совершенно точно не хотела находиться с ним рядом, особенно в тесной кабине лифта. Ненависть тюкает в висках, если бы только понять, что между нами произошло, но правда от меня ускользает. Только эмоции, он что-то требует, а я его за это убить готова, и убила бы, но не хочу попасть в тюрьму.

Он пытается забрать у меня самое ценное? Ребёнка?

Показалось, что я уловила, догадалась, о чём мы спорили в лифте, но в этот момент настоящее ворвалось в воспоминания и спугнуло их:

— Тебе не нужно ворошить прошлое, чужестранка! — в темноте как раскатистый гром прогремел голос хозяина, и я чуть было не опрокинула поднос с едой.

— Уф, напугали. Что так заметно? Да, я здесь случайно, и, похоже, навсегда. Ваш обед, извините за опоздание, и он уже немного остыл, — ставлю поднос на стол и вижу вчерашнюю посуду, причём отмытую до первозданной чистоты. Улыбаюсь, господин Шэйд мне нравится всё больше. Только лица его, так и не видела, снова он спрятался в тени арки и под капюшоном. Надо же, какой стесняшка.

— На каком языке ты думаешь?

— Что? — снова вздрагиваю, такого вопроса я не ожидала услышать. Он мои мысли пытается понять, а я думаю по-русски. Вот на чём спалилась.

— Какой язык звучит у тебя в голове? — его голос стал ещё настойчивее.

— Какая разница, вы его всё равно не понимаете, так к чему тратить время на пустой разговор о моём языке. Судя по всему, ключа от этих браслетов не существует, мы с вами обречены остаться здесь до конца дней. Могли бы провести это время хотя бы как друзья, но вы же считаете меня недостойной своего общества. Однако знаете, где меня найти ближайшие сорок — шестьдесят лет, всегда к вашим услугам, сударь.

Разворачиваюсь и на выход. Да не тут-то было, догнал, схватил за плечи и повернул к себе лицом, к двери задом, как избушку на курьих ножках. От неожиданности все три отмытые площадки упали на каменный пол и разлетелись на тысячи осколков. Поднимаю взгляд и пропадаю, не от восторга или внезапно вспыхнувшей любви.

Я потерялась от внезапного шока!

Передо мной стоит тот самый мужчина из лифта, которого я только что вспомнила. Но моложе, сильнее и волосы чёрные намного длиннее. Лучшая версия моего потерянного мужа, на которого я почему-то очень злая, даже не лучшая, а идеальная версия.

Несколько секунд пришлось приходить в себя, даже вдыхая с трудом. Мой разум отказывается верить в реальность.

Этого просто не может быть.

— Ты ведь не он?

Покачал головой, вижу, что и ему довольно неприятно от происходящего.

Мутант какой-то? Оборотень?

Захотелось высвободиться из его крепкой хватки и сбежать, но он не отпускает.

Ждёт, когда морок пройдёт?

Но ничего не меняется, новая личина так и прилипла к нему, заставляя моё сердце дрожать от ужаса. С трудом беру себя в руки, причём буквально обхватываю, чтобы унять дрожь, и пытаюсь глупо пошутить.

— С другой стороны, хорошо, что ты не принял образ придурка Хендрика...

— Хендрик не твой враг, пока не твой враг. Но как только станет, так я сразу приму и его уродливый облик.

— Но почему? Что с тобой? Проклятье?

— Потеря лица, в прямом смысле. Да, магическое проклятье, и моё заточение в этом замке осознанное. Я – безликий, а тебе здесь не место. Есть один способ, как освободиться, но...

Сглатываю ком, подступивший к горлу, если с Лависсией мы шутили про «отрубить ногу», то с этим оборотнем шутки могут закончиться чем угодно...

— Ногу отрубить?

Он даже не отреагировал на сарказм, на лице ни капли иронии, он серьёзен и, кажется, верит в то, что предлагает:

— Нет, убить тебя, на несколько минут положить в ледяную воду, как сердце замрёт, а тело остынет, я сниму браслет, потом оживлю тебя.

Не знаю, каким местом я думала в этот момент, но, видимо, не головой: «Я согласна!»

Выдала в следующую же секунду.

— Тогда это нужно сделать как можно быстрее, у нас до катастрофы остались считанные дни или часы.

— Почему? — каждое его слово заставляет меня паниковать всё больше.

— Пошли...

Он перехватил меня за руку и потянул за собой внутрь башни, по винтовой лестнице с бесчисленными ступенями, и такими неудобными и опасными, что я несколько раз чуть не покатила кубарем вниз. Но Шэйд всегда успевал меня удержать, и тут же снова тянуть вверх.

Порыв ледяного ветра заставил зажмуриться, глаза мгновенно заслезились, невозможно вдохнуть. Как же здесь страшно. От перепада высот голова закружилась, похоже, что у меня акрофобия (боязнь высоты).

— Подожди, не могу пока, мне нехорошо...

Пытаюсь перекричать ветер, но Шэйд поставил меня перед собой, укрыл тёплым плащом и вытянул вперёд руку. В его крепких и жарких объятиях страх мгновенно отпустил.

— Вон там, видишь? Это королевский военный корабль, двадцать пушек, по десять с каждого борта, три мачты и маг-капитан. Пришли сегодня днём. У пиратов больше нет шансов пройти через засаду. Сначала разобьют сыночков Лависсы, а потом придут за мной. В этот момент тебя и старухи здесь быть не должно! Это приказ. Иди готовься к смерти, ничего не ешь, можно только пить воду. Ночью я приду за тобой, Эйви...

Глава 10. Враг мой

Он осторожно подтолкнул меня к выходу, а я ещё раз взглянула туда, где притаился враг. Показалось, что корабль ожил, неужели пираты на подходе...

Ужасно всё, и то, что мне предстоит пройти через клиническую смерть, и то, что замку угрожают законники, и, по сути, мы сейчас на стороне морских бандитов, а ведь я их совершенно не поддерживаю, не защищаю и не оправдываю.

Только этого невозможно доказать, факты говорят обратное.

А ещё ужаснее видеть новый образ Шэйда, теперь желание вспомнить своё неприятное прошлое возросло в сотни раз, а что толку, больше я не вижу прошлого, из-за бурных событий в этой реальности, кажется, вряд ли и увижу.

— Мне страшно и темно, пожалуйста, дай руку и помоги спуститься.

— Ты не чувствуешь ко мне отвращения? Ведь я принял облик твоего кровного врага, — он крепко обхватил меня за талию, и мы успели спуститься на несколько ступеней вниз, когда его странный вопрос снова ошеломил, — это я настолько ненавидела своего мужа?

— А ты принимаешь образ самых лютых врагов? Это не контролируется?

Если бы не обстоятельства, возможно, я задала бы другие вопросы, я совершенно не намерена его оскорблять, называя монстром или оборотнем. Хочется верить, что его душа чуть лучше, чем образы, какие он вынужден принимать. Ключевое слово «вынужден», очень хочется верить, что это не злой умысел и не попытка меня уколоть.

Разум постоянно напоминает, что этот человек не имеет ничего общего с моим прошлым.

— Нет, в этом суть проклятия, если бы контролировалось, то это был бы дар. Всегда образ самых лютых врагов.

— Очень печально, сочувствую. Но я человек разумный, прекрасно понимаю, что ты это не он. А его я почти не помню. И ты раз в десять красивее. Так что, я вообще не испытываю к тебе неприязни, если ты об этом. Ой, — я в очередной раз оступилась и нога проскользила вниз. Шэйд отреагировал мгновенно, и вот я уже вишу в крепкой хватке. Трудно назвать объятием, когда тебя сжимают «тиски». Вытянулась вдоль его сильного, напряжённого тела и первая мысль, не потерять бы единственные ботинки. Вторая мысль, у него потрясающие глаза, и почему они светятся в темноте...

— Если ещё раз так сделаешь, Эйви, я не смогу тебя отпустить. Останешься моей рабой навсегда, — выдохнул мне в губы, но не поцеловал, а мог бы воспользоваться моментом. Ещё плюсик к его карме.

— Я всего лишь оступилась, никакого женского коварства. Постой, почему твоей рабой? А разве не в замке дело? — прошептала, заставляя его опомниться и опустить меня, убедиться, что крепко стою на ногах, и продолжить спуск.

— Замок, это лишь место, ты же подсматривала за мной и видела такой же браслет. Мы связаны.

Снова спускаемся, но уже медленнее, разговор зашёл в очень интересную тему, и я не хочу, чтобы он замолчал. Должна же я знать, от чего отказываюсь, если он придёт ночью убить меня.

— Я не подглядывала, просто задумалась и вышла к источнику, и да, браслет я видела, и твоё шикарное тело, но теперь понятно, этот браслет на моей ноге — ловушка. Альберт специально нацепил его, мы сейчас установим что-то типа связи, а потом меня попробуют выкрасить и тебе против воли придётся следовать за мной, куда прикажут. Я права?

— Ты слишком умная.

— Ты не первый это заметил, так я права? Я теперь твоя уязвимость?

— Да, права. Потому я либо убью тебя совсем, либо только для того, чтобы снять браслет, а потом оживить.

— А ты не думал о третьем варианте? — меня осенила гениальная мысль, но при условии, что замок действительно в нашей тайне не замешан.

— Уйти вместе с тобой, притвориться обычными людьми, и ты будешь терпеть мой образ, до той поры, пока не вспомнишь истинную причину ненависти к тому мужчине, на которого я так похож? Дальше продолжать?

— Нет, не нужно...

Пауза, мы задумались каждый о своих скелетах в тайных шкафах, а точнее «Чертогах памяти».

— Я уже пытался когда-то давно. Увы, моё проклятье не снимается и проявляет себя в самых непредсказуемых ситуациях. Ты единственная, кто меня принимает без отвращения и без желания убить. Остаётся только маска.

— Да уж, вот ты влип...

Мы говорим, как старые друзья, незаметно перейдя на ты, и мне очень приятны его объятия, однако он прав, нам не стоит привыкать друг к другу. Но я чувствую, как он скучал по такому общению. Как ему тяжело держаться в реальности, и не скатиться в сумасшествие.

Наконец, бесконечный серпантин из скользких ступеней закончился. А у меня возник, наверное, самый правильный вопрос, с какого нужно было начать разговор, точнее, не вопрос, а сразу допрос, и не могу остановиться, потому что это действительно важно:

— Эти браслеты как-то связаны? У них есть история? Ведь ты не можешь избавиться от своего, а мой тебе о чём-то напоминает? Скажи мне, может быть, вместе найдём решение...

Он поморщился, словно я ему наступила на мозоль:

— Не только тебе лучше не вспоминать прошлое, это всё давно стало прахом, а сейчас причинит лишь боль.

— Ненавижу, когда вместо простых и ясных ответов правду скрывают за витиеватыми фразами. Браслеты – настоящее и весьма дискомфортное. Понимаешь смысл слова «дискомфорт»? Нам придётся ещё над этим поработать. И потом вернуться к этому непростому вопросу, даже если больно. Ну или хотя бы постарайся припомнить смысл этих браслетов. Не может быть, чтобы раб и господин были так связаны.

Ворчу на него, как Лависса ворчит на меня.

— Ты слишком умная для деревенской девчонки, хорошо, я подумаю над твоими вопросами. Но если мне удастся снять один браслет, и освободить тебя, то надобность в ответах отпадёт.

Вывернулся...

Вздыхаю и делаю шаг к выходу, под ногами неприятно скрипнули мелкие осколки посуды.

Наступил неловкий момент прощания.

— Я пойду, чуть позже вернусь с метлой и приберу здесь, а то осколки скрипят под ногами. Так во сколько ты придёшь, убить меня?

— Ночью. Ложись спать, я тебя разбужу, когда всё приготовлю. И ничего не ешь.

— Хорошо, — пожимаю плечами и выхожу на улицу, вот и поговорили. Он ночью придёт меня всего лишь убить, а я пытаюсь сохранять спокойствие.

Хочется хоть немного продышаться, после непростого разговора, но порыв ветра напомнил о корабле.

— Лависса! Лависса! — вбегаю в наш небольшой зал, надеясь, что она прямо сейчас не решилась исполнить своё обещание встретить смертушку.

— Где тебя сегодня носит, никак с господином решила шашни закрутить? Не пара он тебе...

Старушка ворчит, всё так же сидит у сундуков и перебирает сокровища, а я радуюсь, что она живая.

— Мне столько нужно тебе рассказать, но не знаю, как начать.

Присаживаюсь рядом и обхватываю руками колени, в моём виноватом взгляде она прочитала совсем не то, что нужно.

— Ты помылась, чтобы перед ним ноги раздвинуть?

— Тьфу на вас, что за разговоры, раз так, то миндальничать не буду. Он поднял меня на башню и показал корабль, который стоит в засаде у небольшого мыса. Как только пираты появятся на горизонте, то королевский фрегат или как его там называют, их всех потопит. А потом придёт за нами. За господином Шэйдом, и за награбленными вещами. Нам пора уходить. Мне жаль, но такова реальность, и сегодня он проведёт очень жестокий обряд надо мной, чтобы снять браслет, тогда мы сможем уйти, прихватив, хоть что-то из сокровищ.

Лицо Лависсы даже не дрогнуло, но она подняла на меня взгляд, и в нём читается откровенная неприязнь. Я, видимо, сказала что-то ужасное по её меркам.

— Я никуда не пойду! Думаешь, эту засаду впервые установили? Нет, я просто почувствую своих сыночков и в нужный момент зажгу сигнальный огонь. Они не придут за нами. А мы в скором времени подохнем от голода. Потому что провиант заканчивается. Вот и всё!

Она проворчала с такой злостью, что я физически ощутила её сильное волнение за «своих сыночков».

Дилемма! Её позиция, как кол, вбитый в наш такой простой план моего быстрого убийства, воскрешения, и последующей свободы. Без Лависсы я в этом мире, как слепой котёнок и дня не продержусь, куда мне идти? В столицу? Пешком?

Это сущий бред, дорога через горы, и никто меня не подвезёт, потому что я «как бы убийца».

Даже без браслета, я всё равно принадлежу проклятому замку и Шэйду.

Молча встаю, снова беру ту самую корону, и плетусь обратно в башню, обрадовать своего господина, что мне из замка не уйти. Лависса будет до последнего спасать своих сыночков, и у нас скоро закончится провиант. Так что в силе остаётся самое первое предложение, попытаться прожить или выжить здесь, но уже не годы, а считанные дни.

Я теперь местная королева на час.

Финита ля комедия, если кратко.

Или попытаться уговорить господина уйти вместе, раз мы не привязаны к замку...

Пронзительный свист выдернул из грустных размышлений. Вздрагиваю от неожиданности, и в этот момент на меня накинули сразу несколько лассо. Да так умело, что я оказалась повязанной по рукам и ногам. Падаю на лёд, и единственное, что могу себе позволить, это вопль:

— Помогите, меня воруют! Спасите...

— Тяните её, осторожнее, это моя жена, а не овца! — слышу крик Хендрика, и в ужасе продолжаю вопить о помощи столько, сколько могу. А хочется визжать от невыносимой боли, меня душат верёвки, и так больно после падения...

— Заткните ей рот, уносим! — крикнул Альберт, и крепкие мужские руки, заткнули мой крикливый рот кляпом.

Один из похитителей прекрасно знает, что стоит мне пересечь запретную границу, и я погибну, но всё равно продолжает творить очередную подлость.

Дёргаюсь, сопротивляюсь, но бесполезно, я обвязана туго, как колбаса, и каждое движение сильнее душит, верёвки впиваются в тело как струны. Они меня прикончат, не успев донести до границы.

— Смотрите, у неё корона за волосы зацепилась, о бог мой, какая огромная, вся из золота, ещё и камня. Лекарь, ты не обманул, там правда есть богатства?

— Вам на весь город хватит на тысячу лет. Тащи её в повозку, скорее! — Альберт осознанно приговорил меня к смерти, а замок на разграбление.

— В повозку? Э нет, Ганс, заставь коней подняться сюда, мы идём грабить замок, всех, кого увидите, убивайте и в море, нам свидетели не нужны! — прорычал Хендрик и бросил меня на землю у камня. Золотая корона повредила остатки его скудного разума, а план Альберта готов раскрошиться в труху. Лжелекарь замер надо мной, потом посмотрел в сторону исполинских врат, куда уже входит новая банда грабителей.

— Я сам дотащу тебя до берега, приготовься, будет неприятно, но так надо, он мне нужен, — и правда потащил, не обращая внимание на стоны. Камни, лёд, холод и паника сжалились надо мной быстрее. Закрываю глаза и проваливаюсь в темноту, последнее, что услышала, гулкий звук грома, или это королевский фрегат не дождался пиратов и решил разбомбить замок?

Глава 11. Воспоминание

Очнулась от боли, тело перекрутило судорогой так, что я завывала сквозь кляп, издавая животные звуки, больше похожие на мычание.

С трудом понимаю, что происходит, вишу головой вниз, запах противный, и нестерпимо трясёт.

Порыв ветра приподнял мои спутанные волосы, открывая обзор и приводя в чувства, отчего боль стала совершенно невыносимой.

Меня везут на коне, всё так же связанную по рукам и ногам, головой вниз, что в разы усиливает тошноту. Ещё немного и я не смогу вдохнуть.

Я попала в ад!

Появилась мысль дёрнуться, свалиться и, если повезёт, то моя голова встретит острый камень и на этом всё закончится.

Кто-то на ходу ухватил меня за юбку и дёрнул на себя.

— Приехали, что плохо? Понимаю, но нужно терпеть и ждать, он скоро придёт за тобой и полегчает. Выдерну кляп, а ты не дёргайся.

Сзади послышался знакомый голос Альберта, он осторожно посадил меня на холодную землю, заботливо облокотил на камень, выдернул кляп и присел рядом. Ему, видимо, спешить некуда.

— Подождём, ему ведь так же плохо, как и тебе. Если он не придёт, я буду вынужден бросить тебя с утёса в море. Жаль, очень жаль. Ты красивая, и, наверное, он уже в тебя влюблён, одинокий мужчина в заточении почти пятьдесят лет, может, и меньше, но такая, как ты у любого поднимет желание. А ему уже и терять нечего...

Надоело слушать рассуждения лжелекаря.

Пить хочу.

Пересохший язык отказывается двигаться, а так хотелось его грубо послать и сказать, что мне вообще нет дела до угроз. Из-за боли я готова сама сейчас ползти на край утёса. Этот садист знает, как мне плохо и наслаждается, наблюдая за страданиями.

Подонки, пальцем повёл по моей мокрой щеке, собрав солоноватую влагу слёз, и попробовал на вкус. Улыбнулся.

Я решила стереть с его рожи довольную улыбку:

— Он не придёт... Я для него никто, он собирался убить меня, чтобы снять браслет. Он сейчас снимет браслет с себя. Ты просчитался. Придурок...

Прохрипела в перерыве между приступами острой боли.

Альберт помрачнел.

— Врёшь...

— Он такой же жестокий урод, как и ты. Кидай меня в море, и я очнусь в другом мире, где тёплое море, пальмы, счастливые люди, и нет таких страданий. Сделай одолжение, в следующий раз я не промахнусь в мирах.

Теперь могу говорить, злость, оказывается, глушит боль. А я сейчас очень злая.

— Ты?

— Что я? Прошедшая через смерть, меня этим уже не напугать, я знаю, что снова где-то воскресну.

— Ты из этих? — его лицо вытянулось в гримасе страдания и раскаяния.

— Не твоё дело! Не понимаю, о чём ты... Каких этих? — боль вдруг начала отпускать совсем. Где-то в замке слышны взрывы, я переживаю за Лависсу и Шэйда, но, кажется, нам всем пришёл один феерический «кирдык», как говорил мой разлюбезный муж.

Альберт, слишком удивлённый моим признанием, вдруг достал нож и начал резать верёвки.

А меня пронзила новая болевая «схватка».

Это реально так напоминает схватки, что я закрыла глаза, и воспоминания утащили меня в прошлое, какое так хотела вспомнить, но не могла до этого момента. Боль сняла блокировку, и я провалилась в своё прошлое.

Родовая палата...

— Мамочка, что же вы так рыдаете, ребёнку нельзя мешать, воды отошли, сейчас начнётся, всё! Забывайте о проблемах, — акушерка ворчит, вокруг уже суетится бригада, а я не могу остановиться. Горечь во рту, что-то произошло накануне. — Педиатра поторопите! Уснули они там, что ли! Началось...

Боль пронзила поясницу такая, что я завывала, начала просить кесарить, но акушерка, что-то проворчала, что все рожают, и я смогу. Здесь нет приличной операционной, надо было думать, во что ввязываешься... Тоже мне принцесса, здесь таких быстро приводят в чувства.

И так далее и тому подобное.

Она ворчит на меня, но без злобы.

Знали бы они, как я хотела стать матерью, через что прошла ради этого, а в шаге от того самого момента, получила от любимого мужа удар, от которого не могу оправиться. Умом понимаю, что нужно собраться, забыть обо всём и рожать, сейчас только мой малыш имеет значение, но не могу отпустить обиду и страх за будущее ребёнка.

Сейчас нет таких больниц, что со мной случилось? Куда я попала? В каком проклятом месте рожала?

Убогая родовая комната давит, всё настолько ужасное и винтажное, решётки на окнах...

В сознании пульсирует только одна мысль: я и мой ребёнок оказались в этом ужасном роддоме по вине мужа. Но что он сделал?

Ещё немного и вспомню...

Но Альберт решил привести меня в чувства. Довольно сильно встряхнул и заставил открыть глаза.

Боль отпустила, я впервые смогла вдохнуть полной грудью. И сразу осознала весь ужас того, что вспомнила. У меня где-то остался малыш? Ребёнок? Мой долгожданный ребёнок, ненужный собственному отцу? Что, если я умерла во время родов?

Эта боль пронзила сердце куда сильнее, чем боль от проклятого браслета.

Отталкиваю Альберта, поднимаюсь, пока он не сообразил, что происходит, бреду к утёсу.

Единственная мысль, я должна вернуться, пусть хоть в теле собаки, кого угодно, но я найду своего ребёнка и позабочусь о нём.

— Стой! Куда! Он идёт за тобой, вон смотри, герцог идёт, потому тебе легче! Стой!

— Мне здесь не место, у меня где-то есть ребёнок, и он остался один. Мне плевать на ваши игры, передай герцогу, что я ухожу, возвращаюсь в свой мир...

До обрыва осталось каких-то три шага, но Альберт успел схватить меня и развернуть от обрыва.

В этот момент перед нами возник свирепый и одновременно прекрасный двойник моего мужа. Единственное, что в этот момент захотелось сделать, это ударить его по лицу, да так, чтобы он прочувствовал ту боль, какую я пережила во время родов в какой-то дыре с решётками на окнах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.